

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Гуманитарно-педагогический институт

(наименование института полностью)

Кафедра

«История и философия»

(наименование)

46.03.01 История

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Историко-культурный туризм

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему Жизнь и деятельность епископа Иркутского Иннокентия (Неруновича) по материалам Иркутских епархиальных ведомостей

Студент

М.И. Трофимов

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

д-р ист. наук, доц., О.А. Безгина

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Аннотация

Структурно работа состоит из введения, трех глав, шести параграфов, списка источников. Во введении обоснована актуальность выбранной темы, поставлена цель и задачи исследования. В первой главе «Возведение Иннокентия (Неруновича) в сан епископа, его прибытие в Иркутск (1733 г.) и первая поездка в Якутию (1735 г.)» рассматриваются первые шаги епископа Иннокентия (Неруновича) на Иркутской кафедре, а также его первая поездка в Якутию. Во второй главе «Управление Иркутской епархией (1735-1743 гг.) и вторая поездка в Якутию (1741-1743 гг.)» освещается управленческая деятельность Иннокентия (Неруновича), его отношения с вице-губернаторами г. Иркутска, а также его вторая поездка в Якутию в 1741–1743 гг. В третьей главе «Последние годы на Иркутской кафедре (1743-1747 гг.) и краткая история издания Иркутских епархиальных ведомостей» объясняется решение Иннокентия (Неруновича) об отшельнической жизни в Жилкинской заимке, его внезапный вызов в Санкт-Петербург и кончина в 1747 г. Также здесь перечислены редакторы Иркутских епархиальных ведомостей, рассмотрены основные части этого церковного периодического издания, на основании которого была написана данная работа. В заключении приведены основные выводы, полученные в результате проведенного исследования. Общий объем работы составляет 65 листов.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Возведение Иннокентия (Неруновича) в сан епископа, его прибытие в Иркутск (1733 г.) и первая поездка в Якутию (1735 г.).....	11
1.1 Избрание на Иркутскую кафедру (1732 г.) и прибытие в Иркутск (1733 г.)	Ошибка! Закладка не определена.
1.2 Первая поездка в Якутию (1735 г.)	22
Глава 2. Управление Иркутской епархией (1735-1743 гг.) и вторая поездка в Якутию (1741-1743 гг.).....	30
2.1 Управление Иркутской епархией (1736-1740 гг.)	30
2.2 Вторая поездка в Якутию (1741-1743 гг.)	43
Глава 3. Последние годы на Иркутской кафедре (1743-1747 гг.) и краткая история издания Иркутских епархиальных ведомостей.....	50
3.1 Удаление в Жилкинскую заимку и кончина (1743-1747 гг.).....	50
3.2 Иркутские епархиальные ведомости: редакторы и структура.....	55
Заключение	61
Список используемой литературы и используемых источников.....	62

Введение

Актуальность темы исследования. Заслуживает внимания управление Иркутской епархией епископа Иннокентия (Неруновича) с 1732 по 1747 гг., талантливейшего архиерея своего времени, выпускника Киевской духовной академии, наставника Московской славяно-греко-латинской академии. Исследователи считают епископа Иннокентия (Неруновича) одним из самых деятельных архиереев Иркутской епархии [37, с. 11]. При нем в Иркутской епархии начинается активная миссионерская деятельность, учреждаются духовные учебные учреждения, активно строятся храмы; он крестит и просвещает местное население. В 1735 г. епископ Иннокентий помог экспедиции Витуса Беринга, снабдив ее походной церковью и причтом. Это лишь малая часть заслуг, которые неустанно на протяжении своего 15-летнего архиерейского служения (с 1732 по 1747 гг.) совершал епископ Иркутский и Нерчинский Иннокентий (Нерунович). Его жизнь и деятельность мы постараемся рассмотреть в данной работе.

Необходимо отметить, что Иннокентий (Нерунович) активно выступал за развитие миссионерства, просвещения и образования в Сибири. Зная несколько языков, он преподавал латынь в Иркутской школе при Знаменском монастыре; в Якутске открыл школу для детей духовенства. Подготовка приходского духовенства теперь велась в духовных школах. Священнослужители и проповедники должны были в первую очередь целенаправленно изучать языки коренного населения, чтобы успешно заниматься миссионерской работой. Способствуя миссионерскому делу, преосвященный добился бесплатного обучения, а также пропитания детей из местного коренного населения в основанной им школе г. Иркутска. В 1740 г. эта школа стала именоваться семинарией. Пожалуй, самым тяжелым поприщем архипастырского служения Иннокентия (Неруновича) была борьба с нравственным разложением, особенно среди местного духовенства. Архипастырское служение епископа Иннокентия можно охарактеризовать

следующими словами: «...деятельность эта была неустанная, постоянно направленная ко благоустроению юной епархии, основанной Святым его предшественником. Прекратить нравственные беспорядки в самых дальних углах обширной паствы, возвысить благочестие через умножение храмов, защищать принимающих крещение от незаконных притязаний, найти вниманием нищих и беспомощных даже в Якутске, таковы были самые первые его заботы, сопровождаемые во всех случаях примерною быстротою его административных распоряжений» [16, с. 547]. Перед нами даровитый, неустанный церковный иерарх, самоотверженно трудившийся в Сибири на протяжении 15 лет. К сожалению, за последние десятилетия каких-либо попыток изучить, рассмотреть и обстоятельно представить жизнь и деятельность Иннокентия (Неруновича) не наблюдалось, за исключением статей о нем в Иркутских епархиальных ведомостях. На сегодняшний день видна острая историческая, а скорее, краеведческая необходимость исследования жизни и трудов епископа Иннокентия. С этой точки зрения данная работа является вполне актуальной.

Одна из ключевых ролей в развитии Восточной Сибири в первой половине XVIII в., безусловно, принадлежала Иркутской епархии. Основанная в 1727 г., она охватывала огромную территорию от Саянских гор до Тихого океана. Назначаемые сюда епископы старались укреплять и распространять православие в Восточной Сибири. Исследование роли Иркутской епархии, а в данной работе епископа Иннокентия (Неруновича), в изучении и развитии Сибири представляется достаточно актуальной задачей.

Объектом исследования данной работы являются Иркутские епархиальные ведомости, на основании которых исследуется личность второго епископа Иркутского Иннокентия (Неруновича), управлявшего Иркутской епархией с 1732 по 1747 гг.

Предметом исследования данной работы является жизнь и деятельность епископа Иркутского и Нерчинского Иннокентия (Неруновича),

факты его биографии, оказавшие влияние на развитие Иркутской епархии и Иркутской губернии в XVIII в.

Хронологические рамки исследования охватывают период от момента назначения Иннокентия (Неруновича) епископом Иркутским в 1732 г. до его отъезда в Санкт-Петербург и кончины в 1747 г. В то же время рассматриваются вопросы о причинах различных событий, имевших место ранее, если они имели отношение к указанному периоду.

Цель работы заключается в исследовании деятельности епископа Иннокентия (Неруновича) в период его управления Иркутской епархией с 1732 по 1747 гг., на основании имеющегося материала по этой теме в Иркутских епархиальных ведомостях.

Исходя из данной цели, поставлены следующие задачи:

- представить краткую историю издания Иркутских епархиальных ведомостей, на основании которых было написано данное исследование;
- раскрыть причины и предпосылки избрания Иннокентия (Неруновича) на Иркутскую кафедру, его первые указы и решения по прибытии в Иркутск;
- показать роль Иннокентия (Неруновича) в становлении Иркутской епархии, вклад взаимоотношений с гражданской властью в этот процесс;
- показать просветительскую деятельность епископа Иннокентия (Неруновича) и иркутского духовенства, его вклад в культурное развитие Иркутской области и Сибири;
- рассмотреть отношения вице-губернаторов Иркутска с Иннокентием (Неруновичем);
- проанализировать, как светская власть участвовала в развитии Иркутской епархии;
- проанализировать процесс управления Иркутской епархией с 1732 по 1747 гг.;

– выяснить особенности экономического положения Иркутской епархии, ее место в освоении и развитии Восточной Сибири в первой половине XVIII в.

Степень изученности темы. Стоит особо отметить ряд основных работ, использованных при написании данной работы. Несмотря на то, что история Иркутской епархии XVIII в. – это интереснейшая страница русской истории, она не приобрела особого интереса в научной среде. Историки, и церковные, и гражданские, к сожалению, обходили эту тему стороной. Тем не менее, ошибочно полагать, что совсем ничего не было изучено. Уже в работах, опубликованных в XVIII в., исследовались конкретные эпизоды из истории Иркутской епархии. Намного больше сведений об Иркутской епархии встречается в научной литературе, изданной в XIX и начале XX вв. Литература по истории Русской православной церкви, напечатанная в этот период времени, весьма обширна и многогранна. Ее авторами являлись церковные и гражданские историки. При этом последние по объему и количеству изученного значительно уступали первым.

Вероятно, из работ церковных историков наиболее ценным является двухтомный труд профессора Казанской духовной академии И.М. Покровского. «Русские епархии в XVI-XIX вв., их открытие, состав и приделы» (Казань, 1897, 1913). Здесь автор кратко изучил процесс образования Иркутской епархии, ее состав, границы, вклад иркутских клириков в освоение Восточной Сибири. Рассматривая быт епархий Русской православной церкви, автор систематизировал колоссальный документальный материал. Его подробнейшая статистика дает возможность осмыслить явления и процессы, происходившие в Иркутской епархии в XVIII-первой половине XIX в. Однако необходимо учитывать, что И.М. Покровский все-таки ставил своей целью не полноценное освещение истории отдельно взятой Иркутской епархии, а обзорное изучение всех епархий Русской православной церкви. Поэтому исследуемая нами тема

рассматривается в данном труде частично, в большинстве своем на уровне конкретных фактов.

Значительное количество отдельных документов по истории Иркутской епархии было опубликовано в церковной периодике, особенно в Иркутских епархиальных ведомостях (ИЕВ). В номерах ИЕВ представлена уникальная информация (указы, документы, письма), сохранившаяся только на страницах этого издания. В прибавлениях к ИЕВ об Иннокентии (Неруновиче) был написан целый ряд статей, автором которых был редактор ИЕВ протоиерей Прокопий Громов (1867. № 24–28, 34, 43–47, 50–52; 1868. № 3, 48–49, 51; 1869. № 25, 39; 1870. № 29, 39, 43, 48, 52). Эти статьи возможно классифицировать следующим образом: о взаимоотношениях Иннокентия (Неруновича) с вице-губернаторами Иркутска и с другими представителями гражданской власти (1865. № 30–33; 1867. № 46; 1868. № 1–9); о миссионерских поездках епископа Иннокентия (1866. № 4, 12–15, 24, 50; 1869. № 28, 30; 1870. № 37–38); о епархиальных делах и управлении (1865. № 18–19, 50; 1866. № 10; 1869. № 39; 1870. № 15–18, 21, 50). Всего в процессе написания данной работы было изучено 35 номеров ИЕВ. Также важно указать на то, что Иркутские епархиальные ведомости содержат уникальные факты по истории Иркутской епархии; дают возможность представить развитие восточно-сибирской церковной архитектуры и иконописи. Это уникальный в своем роде источник, представляющий ценность для историков, краеведов и для всех исследователей истории Иркутского края и России в целом.

Помимо всего вышеупомянутого, следует отметить научные публикации современных иркутских историков: Наумовой О.Е., Санникова А.П. и Юргановой И.И. В данном исследовании были использованы их научные статьи по миссионерской деятельности первых иркутских епископов.

Таким образом, на основании краткого анализа историографии данной темы можно сделать вывод, что история Иркутской епархии в первой

половине XVIII в. как история цельной церковно-административной структуры действительно представляет собой почти неисследованную научную проблему.

Малоизученность темы, ее научная и практическая актуальность обусловили выбор темы настоящего исследования.

Источниковую базу исследования составляют различные исторические источники. Они включают правительственные указы и постановления, документы Синода, Иркутской духовной консистории, отчеты епископа Иннокентия (Неруновича), его переписку с Синодом, с подчиненными. Среди опубликованных источников, в первую очередь, следует выделить государственные законодательные акты, которые определяли основные принципы функционирования Русской православной церкви. Большую группу источников составляют распорядительные документы – документы Синода и его учреждений. Значительное количество отдельных документов по истории Иркутской епархии было опубликовано в церковной периодике, особенно в Иркутских епархиальных ведомостях, которые и послужили базой для написания данного исследования.

Методология и методы исследования. Исследование строится на принципе рационалистического подхода к деятельности Русской православной церкви, а также на принципах историзма и объективности.

Новизна работы состоит в том, что в ней предпринята попытка проанализировать и осветить процесс развития Иркутской епархии с 1732 по 1747 гг. Во взаимоотношениях епископа Иннокентия (Неруновича) с гражданской властью, а конкретнее, с постоянно менявшимися в это время вице-губернаторами Иркутска, среди которых значимые для истории края личности, такие как: А. Жолобов, А. Сухарев, А. Плещеев, А. Бибиков, Л. Ланг, возможно проследить в целом положение дел в Иркутском крае в указанный период, а также составить картину отношений между светской и церковной властью в масштабах всей Российской империи в первой половине XVIII в. Также необходимо отметить, что в данной работе впервые

подробно освещаются личности вышеупомянутых вице-губернаторов Иркутска. В данном контексте видна краеведческая значимость работы, поскольку была воссоздана цельная картина жизни Иркутска первой половины XVIII в. Вместе с тем, на примере деятельности Иннокентия (Неруновича) можно проследить процессы взаимоотношения церковной и гражданской власти, которая проводила политику сдерживания влияния церкви среди местного населения.

Структура работы. Работа состоит из трех глав и шести параграфов, введения и заключения.

Результаты исследования могут быть использованы при написании научных работ по истории Русской православной церкви или по истории Иркутской епархии, а также в краеведческих трудах.

Глава 1. Возведение Иннокентия (Неруновича) в сан епископа, его прибытие в Иркутск (1733 г.) и первая поездка в Якутию (1735 г.)

1.1 Избрание на Иркутскую кафедру (1732 г.) и прибытие в Иркутск (1733 г.)

Иоанн Нерунович (Неронович), будущий епископ Иркутский Иннокентий, родился в 1690 г. в Киеве. По окончании Киево-Могилянской академии в Киевском Братском монастыре он был пострижен в монашество с именем Иннокентий, здесь же рукоположен в иеродьякона, затем в иеромонаха. В 1727 г. он преподавал в Киевской академии пиитику (риторику), но уже в 1728 г. как превосходный педагог был переведен в московскую славяно-греко-латинскую академию на должность преподавателя. В 1730 г. иеромонах Иннокентий был назначен префектом академии.

5 июня 1732 г. высочайше утвержден доклад Святейшего Синода указом «О бытии Епископом Иркутским и Нерчинским иеромонаху Иннокентию (Неруновичу)». До рукоположения прошло более пяти месяцев в связи с назначением нового префекта академии. 25 ноября этого же года в Исаакиевском соборе Санкт-Петербурга архиепископом Новгородским и Великолуцким Феофаном (Прокоповичем) в сослужении архиепископов Сарского и Подонского Леонида и Нижегородского и Алатырского Питирима (Потемкина) – иеромонах Иннокентий был возведен (рукоположен) в сан епископа. Вот выдержка из грамоты, которая была дана при возведении в сан: «Преосвященный Иннокентий Епископ Иркутский и Нерчинский во святем Дусе брат наш должен есть показати к Святейшему Правительствующему Всероссийскому Синоду всякое послушание и духовную любовь, и отшед во Богом порученную ему епископию со всею областью ея научати сущих в них христоименитых людей всяким душеполезным и спасительным наказанием и поучением и направляти на

лучшее преспеяние евангельскими и апостольскими словесы, и образом по самому себе всем житие свое показуя. Сеяти же должен есть всячески благая семена Божественного и здраваго учения на нивах сердец рабов Господних, яко да прозябнут достойны плоды покаяния» [2, с. 99].

Однако новорукоположенный епископ Иннокентий не торопился с выездом из столицы. Будучи по натуре своей предприимчивым и деятельным человеком, он выяснил множество нужд отдаленной епархии и подал о них несколько представлений Святейшему Синоду. Вскоре он получил из Синода указы, а относительно остальных дел заверение в их неукоснительном рассмотрении. Осознав, что в Сибири бедствует образование, преосвященный просил Синод выдать ему книги на разных языках, оставшиеся от умершего в Московском Новоспасском монастыре архимандрита Феофила. Первенствующий член Святейшего Синода Архиепископ Феофан (Прокопович), рассмотрев данные книги, нашел, что все они исторического, а не учительского содержания, в которых академия не будет нуждаться, поэтому Синод одобрил прошение епископа Иннокентия.

Вступая в управление огромной епархией, на неизмеримом пространстве которой проживало множество разноплеменных язычников: бурятов, чукчей, якутов, юкагиров, коряк, олюторцев и камчадалов, по сравнению с которыми русское население составляло тогда каплю в море, Иннокентий (Нерунович) поставил задачу – выяснить способ более успешной проповеди среди язычников. 8 октября 1733 г. он представил Синоду проект обращения в христианство инородцев, который включал в себя следующие пункты: «1. Научать знать Бога и закон Его потребно на языке того народа, которому преподается научение. Ибо трудно вкоренить новое учение в веру, когда на своем языке не уверят, и пространно рассуждать не будут. А чтоб достигнуть сего, то 2. нужно устроить при Вознесенском монастыре такое училище, чтобы в оное принимать добровольно отроков из инородческих народов для обучения российскому и книжному инородческому языку, не токмо не ища с них за обучение платы, но и самих их нищею и одеждою

снабдевать. На сей конец 3. потребно вспоможение от казны по примеру того, как Астраханскому архиерею помогают казенными деньгами для калмыцкого народа. 4. льготу от ясака данную Камчадалским и Якутским инородцам, распространить и на живущих близ Китайских границ. 5. Разъезды имеющих посылаться для проповеди священно-служителей обеспечить прогонами и подводами от казны и предложением светским командирам не только в этом случае препятствий не чинить, но и ревностно помогать делу проповеди и защищать проповедников» [34, с. 456]. Данный проект был принят в Святейшем Синоде.

На путевое содержание Преосвященному со всей свитой было выдано в Санкт-Петербурге из Сибирского приказа 506 рублей, то есть годовой оклад Иркутского архиерея за один год. В будущем епископ Иннокентий объяснял Синоду, что этих денег ему не хватило и на половину пути, и он вынужден был по дороге войти в долги. «Одаренный характером пылким, умом энергическим новый Иркутский Епископ Иннокентий II спешил в Епархию, ему вверенную ... не выехав еще из Петербурга, он уже сделал по сему задушевному для себя предмету в Синод представление, которое бы обеспечивало Его равноапостольную деятельность. Но вместо предметов, отвечавших высокому плану, Его встретили дрязги» [3, с. 303].

Иннокентий (Нерунович) выехал из Москвы в феврале 1733 г., взяв с собой насельника Московского Богоявленского мужского монастыря иеродиакона Феофила, а 30 марта прибыл в Тобольск. Здесь его встретил посланник от Иркутской епархии Герасим Лебратовский, который поднес ему значительную сумму денег. Преосвященный денег не принял, но не утаил от Лебратовского необходимости пользоваться в Тобольске и в дальнейшем путешествии его услугами. Здесь им было получено уведомление о подаче иркутским духовенством заявления с требованием отстранить от дел вице-губернатора г. Иркутска Жолобова, и вместо умершего вице-губернатора Сытина поручить правление его малолетнему сыну Александру. Из Тобольска в распоряжение епископа были даны 2

судна, с 50 ссыльных для работ во время плавания. В июне он выехал из Тобольска, а в Иркутск прибыл 20 октября. Необходимо также отметить, что до Иркутска Высочайший указ о новорукоположенном архипастыре дошел только спустя год после хиротонии, в ноябре 1733 г.

В Иркутске владыку встретили наместник Паисий, игумен Нерчинского Успенского монастыря Нафанаил и Киренского Троицкого – Пахомий, также присутствовал вице-губернатор г. Иркутска Жолобов, находящийся на этой должности последние дни. Сразу же по прибытии епископу была подана бумага от ранее прибывшего в Иркутск на следствие бригадира и обер-коменданта Сухорева, с просьбой прислать для допроса священников и диаконов в Иркутскую провинциальную канцелярию, которые причастны к вышеуказанной жалобе. Преосвященный дал приказ, чтобы духовенство было следователю послушно. Допросы окончились 13 ноября, и все допрошенные священнослужители показали, что участвовали в вышеупомянутом заявлении добровольно, без принуждений. Игумен Паисий принудил силой подписать эту жалобу соборного ключаря Феодорова, за что был лично допрошен епископом Иннокентием о причинах, побудивших его к такому неприличному для духовного звания делу. На это игумен Паисий ответил, что основывался на случае, бывшем в Иркутске в 1695 г., когда временным главой города до 1699 г. был трехлетний сын воеводы Полтева [3, с. 305]. Показания ключаря подтвердились и, огорченный такой встречей со стороны иркутского духовенства, владыка изрек, сообразный со своим временем, приговор: «Наместника Паисия, за вовлечение подчиненного ему духовенства в неподобающее дело наказать плетью нещадно, чтобы и другим так делать было не повадно» [3, с. 306]. Остальное духовенство, бывшее в заговоре против вице-губернатора Жолобова, осталось без наказания, как выполнявшее долг повиновения перед наместником.

Стоит отметить личность вице-губернатора г. Иркутска статского советника Жолобова Алексея Ивановича, особо памятного для Иркутской губернии и Иркутской епархии. Для него не было ничего святого, ни в

иноческих обителях, ни в частных, лишь бы только все удовлетворяло томившей его жажде корысти. Эта корысть заставила его давать убежище в Иркутской губернии самым отъявленным преступникам, которых следователь бригадир Сухорев насчитал около 700 человек. Жалобы на Жолобова оглушили Сухорева, как только он показался в Иркутске, и первым делом, он, как уполномоченный от Сибирского губернатора, арестовал его. Жолобов не дал себя арестовать, и между ним и Сухоревым началось противостояние. На молебне в кафедральном соборе по случаю дня рождения принцессы Анны 7 декабря 1733 г. Жолобов публично оскорбил Сухорева, который попросил епископа Иннокентия взять показания у присутствовавшего на службе духовенства – все опрошенные подтвердили вину Жолобова. Около года Сухорев исследовал дела Жолобова, пока, наконец, в октябре следующего года не приехал поручик Пущин из Санкт-Петербурга и ни арестовал Жолобова и Сухорева, отправив их в столицу. Сухорев был оправдан, а Жолобов казнен 1 июля 1735 г. [7, с. 469].

Как было сказано выше, денег, выделенных Синодом Иннокентию (Неруновичу), хватило только на половину пути, таким образом, прибыв в Иркутск, преосвященный имел задолженность, также часть его вещей, отправленных из Енисейска, была украдена. Ко всему прочему было необходимо получить, определенные Синодом и Сенатом для содержания иркутского архиерея с паствой: рожь, овес и вино. Но бригадир Сухорев, управляющий Иркутском, не торопился выдавать вышеперечисленное, ссылаясь на отсутствие пункта об этом вопросе в указе о назначении епископа Иннокентия. Крайность вынудила владыку написать унижительную для сана расписку с просьбой выдать все необходимое, в которой он обещал возместить Сухореву долг, после получения жалования. Не желая мириться с произволом и опираясь на постановление Сената, преосвященный написал просьбу в Тобольскую губернскую канцелярию о помощи в разрешении этого вопроса. В результате 13 февраля 1734 г. Тобольская губернская канцелярия предписала Иркутской губернской канцелярии выдавать

архипастырю все необходимое. Однако это распоряжение не устранило всех неприятностей в содержании, которые будут встречаться и в дальнейшем [4, с. 311].

Иркутская провинциальная канцелярия была недовольна деятельностью нового епископа, который открыто преследовал зло, так бережно ей лелеемое. Поэтому она старалась избавиться от столь энергичного иерарха, посредством ложных доносов в Святейший Синод. В этом предприятии наиболее полезным оказался вышеупомянутый Герасим Лебратовский, этот грабитель-святотатец, который находился под защитой канцелярии и не подвергался ни суду провинциальному, ни архиерейскому [10, с. 119–120]. Лебратовский до приезда новоназначенного архиерея ездил по монастырям для ревизии и обманным путем собрал значительную сумму денег, совершив, таким образом, грабеж для собственной наживы. Фактически этот мошенник за 100 лет предвосхитил образ Чичикова из «Мертвых душ» Н.В. Гоголя; Лебратовский даже в некотором смысле перещеголял Чичикова, так как, в отличие от главного героя «Мертвых душ», обманывал церковь, а не помещиков. В Тобольске он отнял лазаретные деньги у посланника из Иркутска, который должен был передать их в Синод. Затем, пытался вручить эти деньги Иннокентию (Неруновичу) под видом законно принадлежащих архиерейскому дому, от которых владыка отказался, заподозрив обман. Лебратовский же, в свою очередь, истратил эти украденные им деньги на обратном пути, не доезжая до Красноярска. По прибытии епископа в Иркутск, Лебратовский не переставал плести коварные интриги против него [5, с. 435]. Беззастенчивые козни и доносы на Неруновича ослабили только после приезда в Иркутск поручика Пущина, который арестовал бывшего вице-губернатора Жолобова и его приспешников.

Итак, епископа Иннокентия встретила по прибытии в Иркутск череда довольно неприятных событий. Во-первых, подсудность иркутского духовенства из-за угодливости наместнику архиерейского приказа – игумену

Посольского монастыря Паисию, который вмешался в неудавшийся казачий заговор против жестокого вице-губернатора Жолобова. Во-вторых, последовала бесплодная переписка о возврате монастырям и духовенству денег, захваченных вице-губернатором Жолобовым и дерзким служителем архиерейского дома Герасимом Лебратовским. Следующим испытанием был отказ со стороны провинциальных властей в назначенном от правительства продовольствии и наглость, дошедшая до того, что эти власти отняли у архиерея право суда над святотатцем Лебратовским, укрыв его под своей незаконной защитой. Но все вышеперечисленное не ослабило внимания иерарха на дело благоустройства отдаленной, недавно возникшей, не имевшей границ паствы.

Талантливый архиерей стремился к развитию просвещения в своей епархии. Поэтому, первым делом, 3 ноября 1733 г. он издает указ, где требует от духовенства научить своих прихожан молитвам: «Сего ради мы о всей Богом врученной нам пастве попечение имея, ему же бо больше дано больше и взыщется от него, повелеваем каждому священнику в Воскресные дни и в Господские праздники по литургии своих прихожан со вниманием нескоро, дабы всяк уразумел, поучать, дабы наизусть так великого так и малого возраста отроки женска и мужского пола умели молитву сию: Отче наш и прочая, Верую во Единого Бога, по пунктам. Сие же творити и исполняти с прилежанием. Понеже творяй дело Божие с небрежением проклят» [8, с. 644].

На четвертый день своего пребывания в Иркутске, епископ Иннокентий (Нерунович) получил из Святейшего Синода указ к сведению и исполнению, что по Высочайшему повелению назначается вторичная экспедиция на Камчатку под руководством капитан-командора Витуса Беринга, и что Иркутская епархия обязана снабдить ее всем, чем будет необходимо, в особенности шестью иеромонахами [6, с. 459]. Архиерей поинтересовался, сколько вдовых священников в епархии, для того чтобы из их числа выбрать подходящих. 6 июля Беринг прибыл в Иркутск, где ему

были даны 4 иеромонаха. Также Берингу нужно было устроить походную церковь, и 25 июля он попросил содействия в ее постройке у его преосвященства, приложив реестр необходимых вещей. Архипастырь отвечал, что все может быть куплено в Иркутске. Походная церковь была построена в первых числах сентября, поэтому она была наименована в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Как отмечает историк Громов П.: «При встрече в глубине Сибири с образованными флотскими офицерами, Преосвященный отдохнул немного, потому что отношения их к Владыке были не те, что у Сухорева и Плещеева» [6, с. 467].

Подобно своему предшественнику, Иннокентию (Кульчицкому), Иннокентий (Нерунович) мечтал христианизировать наполнявших иркутскую землю язычников. Поэтому он сразу обратил внимание на ламу Лапсана, выходца из Монголии с семьей и с пятью спутниками. Сперва лама поселился за Байкалом на реке Джиде, а спустя 2 года перекочевал через озеро Байкал в Балагайские долины. Отсюда в 1726 г. он был взят для занятия учительской должности в новооткрытой монгольской школе. В течение 8 лет он преподавал монгольский язык в Вознесенской обители и вольно или невольно воспринимал христианство. Четыре года Лапсан общался со Святителем Иннокентием (Кульчицким), был под его покровительством и неоднократно слышал от праведника призыв ко крещению, но еще не решался принять христианство, вероятно, потому, что прежде крещения хотел расположить к тому же и свою семью. Епископ Иннокентий (Нерунович) нашел в Лапсане человека, уже готового для принятия христианства, и немного потребовалось усилий, чтобы присоединить этого достаточно влиятельного среди своих собратьев человека к Русской православной церкви. 10 марта 1734 г. преосвященный Иннокентий торжественно крестил в Вознесенском монастыре ламу Лапсана, его жену, а также двух его служанок и двух служителей. Лапсана нарекли Лаврентием Ивановым Неруновым, так как архиерей сам стал его крестным отцом, а его жену – Евфимией [9, с. 41].

В феврале 1734 г. епископ Иннокентий отправился в Забайкалье, где в начале марта посетил г. Селенгинск. Здесь он встретился с другим знатным выходцем из Монголии, представителем знатного рода «зайсана» (князя) Хатшеева – Цеценом Цохниевым и уговорил его принять христианство. Цохниев изъявил желание креститься вместе со всем своим родом, только при условии, чтобы его оставили после перехода в христианство на месте его жительства и чтобы он не зависел от соседнего «тайши» (племенного вождя), и чтобы он сам в своем роде стал тайшею. Преосвященный посоветовал ему обратиться в иркутскую провинциальную канцелярию, и сам ходатайствовал об этом деле перед вице-губернатором Плещеевым. 7 июля 1734 г. Цецен был крещен и наречен Петром Ивановым Неруновым. Вице-губернатор удовлетворил просьбу Цохниева, и он, как выходец из Монголии, за принятие христианства вместе со своим родом, возведен в звание тайши Хатыгинова рода. После этого большинство родичей Цохниева приняли крещение, а место их проживания стало именоваться Неруновским поселением.

Всего же за первый год своего правления епархией архиерей крестил 14 человек инородцев [9, с. 44]. Среди них – «шуленга» (родовой старшина) Леонтий Тимофеев Маремьянин, имевший в своем ведении немало ясачных мунгальцев, и Бурко Боторов, тоже не рядовой бурят, потому что восприемником его был вице-губернатор Плещеев (он был наречен Яковом Андреевым Плещеевым). Крещенные инородцы выражали желание отделиться от языческой среды и селиться с принятием условий оседлой жизни. Этому особо содействовал епископ Иннокентий, потому что от оседлой их жизни ожидал пользы не только для них самих, но и государственной, имея в виду появление лишних рук для обработки под хлебопашество необъятных сибирских земель. Также преосвященный приказывал оказывать всяческую помощь принимающим крещение инородцам и освобождать их на пять лет от уплаты ясака [40, с. 655].

Однако для многих инородцев принятие крещения делало невозможным возврат к прежней жизни. Они выделялись из своей социальной среды и могли существовать только при поддержке местных властей. Поэтому, при наличии возможностей, новокрещеных принимали на государственную службу или переводили на поселение в русские села. Иногда родовичи относились к новокрещеным враждебно и разрывали с ними все связи. В 1736 г. бурят Хува Моторов писал епископу Иннокентию Неруновичу: «Будучи я на Бусее речке близ Балаганска снарядился было ехать в Иркутск до вашего преосвященства с женою своею для восприятия христианской православной веры... и приехал ко мне из Балаганского острогу братской Махуя Ясыкбев да с ним русской человек денщик Еким... и меня в доме не прилучилось и бранили они меня всякою бранью, а сына моего новокрещеного Михайла оные Махуя и русской человек связав руки и ноги били и топтали насмерть и жену бранили же и запрещает креститься мне... а по битии того сына моего Михайла связанного бросили на коня також де и жену мою и увезли без меня насильно, а онаго Махуя Ясыкбева для того увозу и битья прислал ко мне готольского роду Хадай Жербаев, да онгойского роду Тобехан Лалгов шуленги да толмач балаганского острогу служилой Петр Евдокимов и от того намерения нам ко крещению ныне препятствие учинилось» [43, с. 125].

Другой бурят Мартын Хубин сообщал: «По желанию моему пришел я к вашему преосвященству по молитве во святую православную греческого исповедания веру в которую со мною желает окреститься отец мой и мать и братия всего пять человек... И после оногo желания ушла от мене оная моя жена Бичихан к показанному своему отцу в дом, а отец ея мне возвратно и не отдает неведомо зачем и препятствие ей креститься а у меня за означенную мою жену дано прежде оному отцу Хадану Багаеву скотом 100 голов быками коровами коньми и овцами к тому ж с ней жил я 7 лет и были прижиты дети» [43, с. 125].

Последствия того, как приняли нового архиерея в Иркутской земле можно охарактеризовать следующими словами: «Епархия, которой так много обещал епископ Иннокентий (Нерунович) своим пронизательным умом, своим рвением к ее благоустройству – Иркутская Епархия должна вечно жалеть, что этого деятеля встретил ряд подъяческих сплетен, сток неприязни недуговавших корыстолюбием провинциальных властей. Последствия покажут, что такая встреча имела весьма невыгодное влияние на горячий темперамент преосвященного, и потом, на самый образ его келейной жизни, сделала его подозрительным, недоверчивым даже к тем распоряжениям провинциальных правителей, которых основанием была законность, – а при потере уважения к озлоблявшим его, уже не казалось ему предосудительным и самих их преследовать на каждом шагу, отчего половина 15-летнего управления Иннокентия Второго прошла в письменной борьбе с потешавшимися его гневом и беззащитностью, холодными и едкими, как вода ангарская, душами» [5, с. 444].

Таким образом, прибыв в Иркутск и столкнувшись с трудностями, Нерунович энергично взялся за порученное ему дело, выявив ряд злоупотреблений со стороны как местного духовенства, так и светских властей, предпринимал попытки реализации мероприятий своей миссионерской программы, в том числе организации проповедей на языках народов Сибири, упорядочения льгот для принявших православие инородцев, выдачи «прогонных денег» (путевых расходов) для поездок миссионеров, обеспечения инородческих детей – учащихся школы, созданной по его инициативе при иркутском Вознесенском монастыре, одеждой и питанием. Но эти начинания остались незавершенными как в связи с недостаточностью средств, так и из-за отсутствия поддержки местной гражданской власти.

1.2 Первая поездка в Якутию (1735 г.)

Возглавляя самую территориально крупную епархию Русской православной церкви, епископ Иннокентий (Нерунович) стремился уделить внимание её отдаленным окраинам и стал первым православным епископом, посетившим Якутию. Возвратившись с Байкала, он заявил новому вице-губернатору г. Иркутска Плещееву, сменившему Жолобова в апреле 1734 г., о своем намерении ехать в Якутск. Это было связано, в первую очередь, с дошедшими до него сведениями о вопиющих беспорядках [11, с. 147], происходивших в этих краях и с желанием владыки христианизировать якутов. Вице-губернатор Плещеев отдал соответствующее распоряжение о снабжении преосвященного в дорогу [12, с. 175], а трем гарнизонным солдатам было поручено охранять его в пути.

6 июня епископ отправился в путь со своим архиерейским приказом, состоявшим из наместника иеромонаха Корнилия (Бобровникова), приказного надзирателя Алексея Попова и писаря Решикова, также был взят игумен Нерчинского монастыря архимандрит Нафанаил и содержащийся под арестом в Иркутском Вознесенском монастыре протопоп Григорий, для очистки себя от наговоров в Якутске. В Вознесенском монастыре для производства менее важных дел был оставлен иеромонах Лаврентий с тремя иеромонахами и иеродьякон Дометиан.

Первый визит епископа Иннокентия в Якутск состоялся в 1735 г. при финансовой поддержке иркутского вице-губернатора Плещеева. Следует отметить, что Якутский край в церковно-административном отношении с середины XVII в. находился в подчиненности тобольских митрополитов и входил в состав Тобольской (Сибирской) митрополии, границы которой расширялись «встречь солнцу» по пути следования русского казачества. Значительность территории митрополии, отсутствие постоянной связи делали её управление малоэффективным. Так, в Якутске не было уполномоченного от духовного ведомства, информировавшего Тобольск о

состоянии дел, и по всем вопросам церковного управления духовная власть Сибири обращалась к настоятелям якутского Спасского мужского монастыря [43, с. 91]. Поэтому сложилась ситуация, когда: «Якутск со своего основания ровно сто лет находился в церковной зависимости от удаленной от него на 6000 верст Тобольской Митрополии ... созидались инородческие обители, не только в самом Якутском остроге, да и кое-где около Ледовитого моря возникали Божьи храмы; но все это делалось так, что Епархиальный архиерей, Митрополит Тобольский должен был осведомляться или от проезжих или через посылку нарочных: сколько именно церквей в Якутском ведомстве, и где они? Есть ли при них священники и кто таковые, и откуда?» [11, с. 145–146].

13 июля архиерей прибыл в Якутск, это был первый церковный иерарх, посетивший этот город. Его приветливо встретил якутский воевода Заборовский Алексей Еремеевич. Прежде всего, владыка обратил внимание на то, что в Якутском соборе не было диакона, и 15 августа соборный пономарь Николай был рукоположен в сан диакона. 19 июля жители Зашиверского острога сообщили преосвященному, что у них церковь Нерукотворного Образа давно стоит без священника и пожелали иметь у себя священником дьячка Соборной Якутской церкви Алексея Слепцова. Владыка 20 июня посвятил Слепцова в дьякона, затем в сан священника. Также обитатели Колымского острога просили назначить к ним в церковь этого же Слепцова, на что было получено согласие архиерея. На место Слепцова нужен был дьячок для Якутского собора, прихожане представили кандидатуру лишнего священства, ссыльного Протопопова Феодора Иванова. После просмотра сведений о Протопопове из Якутской воеводской канцелярии, преосвященный утвердил его на дьяческом месте при Якутском соборе. 6 августа по просьбе прихожан Никольской церкви рукоположен во священника якутский служивый человек Оконешников Иван Васильев; 12 августа в помощь соборному протопопу Андрею Тарлыкову дан из Якутского монастыря священник Алексей Оленев.

Епископ Иннокентий был занят в Якутске церковными делами, а между тем, по его распоряжению, в Якутском Спасском монастыре шло следствие о преступлениях Герасима Лебратовского [13, с. 183]. 30 июля архиерей получил письмо от Витуса Беринга, экспедиция которого в это время находилась неподалеку. Беринг сообщал, что из данных в экспедицию иеромонахов из Тобольска один умер, а другой оказался дряхлым и увечным. Беринг просил назначить вместо его здорового священника для служения в Охотске, а в пополнение указанного числа монашествующих, он просил прислать нового иеромонаха. Иннокентий (Нерунович) определил в экспедицию иеромонаха Германа и посоветовал Берингу не брать с собой иеродьякона Феофила, как чрезвычайно своевольного и дерзкого, но командор, к тому времени сдружившийся с Феофилом, оставил его с собой. 24 августа владыке Иннокентию писал Шпангберг о просьбе назначить священника в Охотск [13, с. 185]. Епископ предписал заведовать охотскими христианами священнику Анисиму Абрамову. Необходимо отметить, что якутские воеводы относились значительно лучше к местному духовенству, чем иркутские вице-губернаторы.

Устроив дела белого духовенства, преосвященный обратил внимание на Якутский Спасский монастырь и, кроме назначения игуменом архимандрита Нафанаила, определил строителем иеродьякона Гавриила (Притчина). Многие из монастырских вкладчиков вдвойне вносили подати, так как дважды значились в подушных списках. Архипастырь осветил это дело в Якутской воеводской канцелярии, и вкладчики получили облегчение.

Затем назначенный в Зашиверск священник Алексей Слепцов и архимандрит Нафанаил получили от владыки письменные наставления, как им вести себя среди язычников – как одному управлять церковью и приходом, а другому монастырем и всем краем от Якутска через Колыму, до Анадырска и через Охотск до Камчатки. В инструкции священнику Слепцову сильнее всего звучит одна из задушевных дум владыки – крещение инородцев, помощь им словом и делом, а главное, защита вновь крещенных

от нахальных сборщиков ясака. Другая, подобная этой мысль, обращена к Нафанаилу, чтобы он открыл в г. Якутске школу и избавил бы духовенство от тяжелой обязанности – привозить своих детей для обучения в Иркутск. Перечисляя средства к содержанию школы, архиерей указал в разъяснении местному духовенству той пользы, которую это учебное заведение должно доставить им как в научном, так и в материальном отношении – поэтому обязаны все, кто может, помочь ее существованию. Преосвященный Иннокентий тут же занялся устройением лучшей участи детей якутского духовенства, которых, подобно неучам, забирали на казачью или военную службу. Он писал: «Отныне сего да не будет! Но чтоб обучающиеся в школе, по силе тех же законов, оставляемы были в звании, приобретаемом ими по рождении от священно и церковнослужителей, дабы со временем самим им занять отцовские места и через то избавить церковь от неблагоприятной необходимости принимать во священство и из служивых людей и из крестьянства» [13, с. 189].

Архимандрит Нафанаил был ревностный деятель, и школа в Якутске была вскоре открыта. Так была дана возможность ссылаемым в Охотск священникам отдавать на обучение своих детей. Кроме детей местного духовенства, в школу поступило около шести новокрещенных юношей – туземцев. Венцом, украсившим архиерейское служение епископа Иннокентия (Неруновича), было дело, ради которого он стремился в этот отдаленный край – миссионерство. Он сообщил Якутской воеводской канцелярии, что в г. Якутске и его окрестностях он крестил с 5 июня по 24 августа 1735 г. 64 человека якутов, также составил к этому именной список всех новокрещенных и просил, чтобы им немедленно выделили льготу от ясака, так и будущим. Для блага церкви и веры архиерей увещевал не попускать нарушения благотворного закона о льготе.

Самым действенным механизмом христианизации оказалась выдача новокрещеным «билета для льготы по ясачному сбору». Он был введен в 1724 г. совместным постановлением Синода и Сената и освобождал на 3–5

лет от выплаты ясака. Это заметно оживило миссионерскую деятельность. Однако во время поездок по епархии епископ Иннокентий Нерунович установил, что «от иркутской провинциальной канцелярии льгота мало кому чинитца, но и по крещении их иноземцов ясачные сборщики паки на них ясак по прежнему неослабно правят не давши льготы, и к тому берут с них и себе за труды по некоторому числу деньгами и протчим чем можно якобы в презент». Об этом в 1736 г. он сообщил в Сенат, но реальных мер принято не было [43, с. 123–124].

В память о крещении инородцев в урочище Киллем (переводится с якутского языка, как «три листовницы») архимандрит Нафанаил просил владыку устроить здесь часовню, на что тот охотно согласился указом от 23 августа о постройке часовни во имя Животворящего Креста Господня. Затем, по ходатайству архиерея перед воеводой Заборовским были утешены некоторые ссыльные из духовенства, бродившие в Якутске без пропитания – они были приняты и «призрены» в Якутском Спасском монастыре. Наконец, 25 августа 1735 г. архипастырь выехал из Якутска, но не успел он еще распрощаться с мирным городком, где провел полтора месяца, как наваял на него неприязненный дух из Иркутска. Его огорчило то, что вице-губернатор Плещеев только сейчас, перед самым отъездом, дал разрешение на выдачу табака, который преосвященный планировал раздать в качестве подарков новокрещенным, но в нем уже не было необходимости. Тут же владыка получил донесение от Вознесенского монастыря, о том, что жена умершего дворянина Пивоварова захватила монастырский остров, признав его своей, якобы законной территорией [13, с. 191]. В общем, возникшие проблемы требовали скорейшего возвращения архиерея.

Итак, поездка епископа Иннокентия (Неруновича) в Якутию имела следующие последствия: «Беспорядки прекращены, насколько было возможно сделать это в короткое время; учреждено церковное управление довольно стройное в лице нового настоятеля Якутского Спасского монастыря, степенного, смотреливаго и деятельного архимандрита

Нафанаила; снабжены священником запустевшие церкви в Зашиверске и Колыме; обрадованы определением к себе священника прежние и новые поселенцы в Удском остроге; защищены, сколько оказалось возможным инородцы, и даже само духовенство, поступавшее из податных состояний, от наглого обращения ясачных и подушных сборщиков; устроено для детей духовенства доступное и для других сословий отдаленного края училище, и первые обезопасены через то от поголовной записки в казачью службу; монастырям указана строгая отчетность, ограждающая достояние обителей от расхищения и растраты; даже обращено было внимание архипастыря и на далекую монастырскую заимку в Камчатке, доставляющую в Якутский монастырь большое количество бобров, дорогих лисиц и соболей, достававшихся до сего времени неведомо кому» [15, с. 557]. Стоит также отметить, что быстрому делопроизводству, требовавшему усиленной деятельности в короткое время, главным образом содействовал наместник архиерейского приказа иеромонах Корнилий (Бобровников). Этот добросовестный труженик не оставлен был без награды, преосвященный возвел его в сан архимандрита, настоятеля Иркутского Вознесенского монастыря.

Выехав 25 августа из Якутска, епископ Иннокентий посетил Покровскую пустынь и погоревал над ее бедственным состоянием, которым она была обязана грабителю Лебратовскому и равнодушным наместникам [14, с. 293]. 14 сентября архиерей достиг Витима и в течение двух суток сделал следующие распоряжения. Определил к местной церкви пономарем дьяческого сына Мальцова Михаила Федорова. Также приказал витимскому священнику Комарову Никифору Семенову отыскать якута Корнилова Савву Федосеева, который пятнадцать лет назад крестился, а ныне уклонился в прежнее язычество, сделать ему увещание, а в случае раскаяния – очистить совесть наложением поста. Если же Савва станет упорствовать в своем заблуждении, то необходимо написать местному комиссару, если он не поможет, то архимандриту Нафанаилу, в случае если и он ничего не сможет

сделать, то необходимо просить якутского воеводу о наказании нечестивца в страх прочим. 27 сентября преосвященный прибыл в Киренский монастырь, где сам лично занялся учетом. Епископ поручил следовавшему с собой приказу составить, по возможности, отчетность с натуры вещей и с показаний малого числа братии. Монастырь оказался не беден, в нем было найдено уцелевших за произвольными, безотчетными расходами денег 4000 рублей.

26 октября преосвященный выехал из Киренска. Жители Марковской деревни просили архипастыря разрешить им сделать алтарь в часовне Илии Пророка, но со всех прихожан не успели собрать подписи в поддержку, и владыка отложил это дело до приезда в Иркутск. В пути к нему обратились жители нескольких деревень, пожелавшие быть прихожанами Марковской Ильинской церкви и препятствий к преобразованию часовни в церковь больше не было, разрешение на устройство алтаря последовало от епископа. Часовня без архиерейского разрешения была построена в деревне Казарок, эту владыка повелел уничтожить. Причиной столь резких решений владыки Иннокентия стало опасение возникновения раскольников со своими молитвенными домами. Епископ был утешен в продолжение пути полученными донесениями от разных священников о довольно успешном обращении в христианство инородцев, но также и огорчен жалобами новокрещенных, что их не только не освобождают от уплаты ясака, но и угнетают более, чем некрещенных. 16 ноября архиерей остановился в Ангинской заимке при Ильинской церкви и лично проверил как дела, которые относились к Киренскому монастырю, так и казну, которая составила 400 рублей. 5 человек из Якутска и 5 человек из Киренского монастыря были взяты в помощь для управления судном, которое в обратный путь надлежало тянуть против течения. 25 ноября Иннокентий (Нерунович) благополучно возвратился в Иркутск. Таким образом, путешествие иркутского епископа в одну сторону неизмеряемой паствы и только до

Якутска (а за ним еще оставались Охотск, Анадырск и Камчатка) длилось 5 месяцев и 18 дней.

Подводя итог первой поездке в Якутию Иннокентия Неруновича, необходимо отметить, что его визит в далекий Якутск стал событием в жизни провинциального города. Разобравшись в сложных взаимоотношениях местного духовенства, архиерей, считавший главной своей задачей христианизацию нерусского населения, дал подробные наставления управляющему монастырем и священникам, в том числе и о «защите новокрещенных от нахальных сборщиков ясака» [11, с. 188–189]. Кроме того, была поставлена просветительская задача – открытие школы при Спасском монастыре, что в дальнейшем должно было изменить судьбу детей якутского духовенства. В перспективе юноши из духовного сословия должны были заменить своих отцов и решить проблему дефицита духовных кадров, что было частично реализовано лишь спустя полтора столетия.

Глава 2. Управление Иркутской епархией (1735-1743 гг.) и вторая поездка в Якутию (1741-1743 гг.)

2.1 Управление Иркутской епархией (1736-1740 гг.)

Когда Иннокентий (Нерунович) еще находился в пути, к нему с докладом в Киренский острог явился один из благотворителей Вознесенского монастыря Давид Гагаринов и сообщил, что вследствие жестокого управления вице-губернатора Плещеева жители Братска решили напасть на русских вместе с бурятами. Взволнованные этим крестьяне бросились из малых деревень в большие селения – Балаганский и Бельский остроги. Здесь они укрылись в храмах и били тревогу в колокола до тех пор, пока вице-губернатор Плещеев не прислал в эти остроги поручика Гречеева и сотника Григория Чемезова с вооруженными солдатами. Когда восстание вооруженной рукой было усмирено, Греченин по приказу Плещеева начал расправляться с инородческими властями, все кончилось тем, что большие деньги и много скота было угнано на двор вице-губернатора. Гагаринов обещал подтвердить все вышесказанное, если потребуется вместе с иеродиаконном Дометианом.

По возвращении в Иркутск 25 ноября 1735 г. епископ Иннокентий (Нерунович) отправил извещение о бывшем бунте в Сибирскую Губернскую канцелярию с приложением письменных показаний Гагаринова и иеродиакона Дометиана. Сибирская канцелярия отправила это извещение в Москву, не уведомив об этом епископа Иннокентия. Нужно сказать, что Плещеев не упускал возможности уколоть архипастыря, где только предоставлялась возможность в связи с недосмотром со стороны епископской канцелярии [17, с. 9].

Необходимо также особо остановиться на Греченине, которому епископ Иннокентий запретил появляться в церкви, а священникам посещать его квартиру. Однако неожиданно Греченин обратился к нескольким

священникам с просьбой напутствовать его больную дворовую девицу. Не один из священников не пошел в дом отлученного. Тогда Греченин заявил о происшедшем вице-губернатору Плещееву, который в свою очередь написал епископу Иннокентию письмо в духе защитника края от строгих архиерейских порядков. На это епископ Иннокентий ответил следующее: «Идти к больным для исповеди и крестить не запрещено, в доме поручика; точно ему озорнику входу в тую церковь не повелено и по силе правил Святых, что к тоя непокорив церкви стал» [17, с. 12].

В январе 1736 г. озлобленный Греченин пошел к Прокопьевской церкви с солдатами, и как только вышли из храма священник и диакон Онисифор Бобровников, с которого 10 лет взыскивали подати, – Греченин приказал солдатам схватить его, утащить на съезжий двор и посадить под арест. Узнав об этом, Плещеев приказал отпустить дьякона и этим предотвратил наглый поступок. 27 февраля архипастырь сделал циркулярное предписание по епархии, чтобы Греченина Адриана Абрамова нигде не впускать в церкви по Иркутской епархии и Нерчинску, а священникам ни с какими требами к нему не ходить, «дабы непокорение было во всяком смирении». Однако Греченин не успокоился и продолжал творить беспорядки, оставаясь без наказания, несмотря на настойчивые письма епископа Иннокентия к властям.

20 мая 1736 г. по приказу Плещеева был арестован вышеупомянутый Давид Гагаринов. На следующий день епископ Иннокентий служил литургию в Богоявленском соборе. По окончании богослужения он с духовенством был приглашен на обед к главному откупщику Ивану Глазунову, где были также вице-губернатор Плещеев с поручиком Гречениным. За угощением у откупщика «дело не стояло», и языки у вице-губернатора и поручика развязались, сперва на упреки иерарха, потом на укоризны, далее на ругательства, самые пошлые и наконец, дерзкие руки поднялись на неслыханное оскорбление архипастыря, к чему, однако, они не были допущены. Плещеев послал за солдатами, у владыки оставалось только

одно спасение – вырваться из буйной беседы. Благоразумие хозяина и участие бывших на обеде граждан спасли владыку от конечного поругания, дали ему возможность выйти из дома, сесть в лодку и переправиться через Ангару, в Вознесенский монастырь.

Только через три дня епископ Иннокентий узнал настоящую причину поступка вице-губернатора Плещеева, когда прочитал 24 мая полученное известие из Тобольска, что, по распоряжению Сибирского приказа, Плещеев по делу возмущения жителей Братска, предан следствию, и следователем назначен комендант г. Селенгинска Бухгольц. Без сомнений, это же известие о своей подсудности получил 20 мая и Плещеев, но, очевидно, что эта новость специально была задержана, чтобы нанести неподготовленному владыке подготовленное оскорбление. Тяжело переживал архиерей такое оскорбление, потому что здесь оскорблен был сан, который на будущее время ничем не обеспечивался от подобных, еще больших наглостей со стороны градоначальника.

На Греченина архипастырь отправил жалобу в Селенгинскую воеводскую канцелярию на имя полковника Бухгольца, в полку которого состоял обезумевший поручик, владыка просил предать его суду. Среди всех этих неприятностей иерарху трудно было искать защиты, и он решил лично ехать в столицу и объяснить свою жизнь среди преступников. В этой решимости 10 июня 1736 г. он написал в Святейший Синод следующее: «...обо всех действиях чинившихся и ныне обретающихся невозможно есть изобразить, какие чинятся противные и богопротивные поступки не токмо от подлых людей и невежд, но и от прочих и разумных. Того ради с покорностью прошу Святейшего Правительствующего Синода, дабы позволено было указом Ее Императорского Величества для всяких предложений взять мене в Святейший Правительствующий Синод, и о том бы ко мне прислать Ее Императорского Величества указ» [18, с. 26]. 7 июля владыка Иннокентий получил ответ на свою жалобу от полковника Бухгольца. Полковник не отвергал, что Греченин подлежит суду за тяжкое

оскорбление, но он писал, что для суда над поручиком по воинскому уставу требуются: президент-полковник, 2 капитана 2 поручика и 2 прапорщика. А потому как при Якутском полку в Селенгинске такого комплекта офицеров нет, то и судить поручика Греченина нельзя, но как только найдется необходимое количество офицеров – его непременно подвергнут суду. Таким образом, выходило, что безумный поручик Греченин мог делать все, что ему заблагорассудится.

После этого владыка решил переменить тактику и перестал писать подобные жалобы, которые только потешали его противников, обнажая бессилие. Преосвященный решил доказать правительству, что Плещеев – человек зловредный для края. Следуя этому плану, в течение июня, июля и августа 1736 г. епископ посылал одно за другим, несколько донесений в Правительствующий Сенат, но ни одной чертой не коснулся нанесенной себе обиды, чтобы не подать вида, что донесения его делаются под влиянием личных с вице-губернатором неприятностей [18, с. 27].

Не ограничиваясь донесениями Сенату, архипастырь написал 3 августа 1736 г. на всякий случай в Сибирскую губернскую канцелярию, что Плещеев, арестовав писаря архиерейского приказа сына священника Попова Ивана, пытал из него разными муками показания, что архимандрит Нафанаил – убийца. Попов же спасся только побегом, но теперь рассказывает, что Плещеев бывает крайне редко, только когда нужно кого-нибудь пытать, а остальные дела вице-губернатор решает на дому своим произволом.

Иерарх хотел отправиться вниз по реке Ангаре до Балаганска и до Братского острога для обозрения этой части епархии, и для крещения инородцев. Плещеев потребовал двойную плату за 15 лошадей, иначе не соглашался. Епископ спрашивал вице-губернатора: «Как же вы давали мне вспоможение без всяких прогонов съездить в Якутск, и теперь, в виду таких же епархиальных надобностей, стесняете меня требованием двойных прогонов, тогда как вам известно, что на разъезды не получаю я из казны ни копейки?» [19, с. 38] – но ответа от Плещеева не последовало. Таким

образом, намерение архиерея в первый раз осмотреть еще не виданный край его епархии осталось без исполнения.

Также не менее труден для преосвященного был процесс отправления и получения казенных бумаг. Он хочет отправить пакеты в провинциальную канцелярию, но не дают в приеме их расписки; думает отправить депеши с курьерами, которые прежде, следуя из Иркутска, всегда заезжали в Вознесенский монастырь, но теперь это запрещено. А приходившие на имя архипастыря пакеты, которые наперед доставлялись в провинциальную канцелярию, частенько доставались ему уже прочитанными. Здесь не обходилось без козней уже вышеупомянутого Лебратовского.

Тяжело представить стеснительное положение особы, облеченной архиерейской властью, под гнетом прихотей озлобленного правителя края, под гнетом, к облегчению которого ждать помощи было неоткуда, кроме Бога. Стоило только прислуге Вознесенского монастыря появиться в городе – ее частенько хватали, как шпионов, брали под арест и держали или на гауптвахте или в застенках канцелярии несколько дней. Дошло даже до ареста приезжего архимандрита Чебоксарского Троицкого монастыря Иосафа (Шарвицкого), который прибыл для сборов на построение Казанского Благовещенского собора [19, с. 39].

С 21 мая, после жестокого оскорбления вице-губернатора Плещеева, владыка Иннокентий более трех месяцев отсутствовал в Иркутске. 11 сентября 1736 г. в Иркутск дошли вести о взятии генерал-фельдмаршалом графом фон Минихом Перекопской линии, и об отпраздновании по случаю этой победы благодарственного молебна с колокольным звоном и пушечной пальбой в течение дня. Плещеев письменно просил прибыть архиерея в Иркутский собор для совершения торжества. Иерарх был вынужден покориться необходимости и 12 сентября, отслужив в соборе литургию и молебен, он тут же отправился в свой монастырь, чтобы долго в Иркутске не задерживаться.

14 сентября епископ Иннокентий решил отпраздновать торжество в Вознесенском монастыре. По окончании службы он пригласил братию на трапезу и при питии за здоровье Ее Императорского Величества приказал выстрелить из двух, находившихся в монастыре, пищалей. Звуки стрельбы донеслись до Иркутска. Часовые услышали шум, дали знать вице-губернатору Плещееву и глубокой ночью к владыке ворвались три солдата с вопросом, нет ли на монастырь нашествия иноплеменников? Разгневанный владыка приказал схватить наглецов и держать их до утра под арестом, но один солдат успел скрыться и сообщил о происшедшем в провинциальную канцелярию. Эта грустно-забавная история послужила основанием легенды, что якобы епископ Иннокентий (Нерунович) с вице-губернатором Плещеевым перестреливались из пушек – архиерей с левой стороны реки Ангары от монастыря, а вице-губернатор с правой из Иркутска.

От происшедших тревожных событий у архипастыря родилось желание водвориться в пустыне, к чему побуждали: необходимость быть подальше от Плещеева, стремление иметь лучшее удобство в помещении и, наконец, давняя мечта заняться полевым хозяйством, к чему он испытывал особую склонность. С этой целью владыка избрал местность ниже Вознесенского монастыря на Северо-западе в двух верстах по течению Ангары. На левой стороне реки от монастыря вдоль возвышенного берега тянулось селение Жилкинское, составляющее монастырскую вотчину. Здесь был быстро воздвигнут по желанию архипастыря красивый удобный одноэтажный дом. Устроив себе дом, который в народе прозвали архиерейская Жилкинская заимка в роще, епископ Иннокентий сделался совершенным отшельником. В Иркутск иерарх ездить перестал, даже Вознесенскую обитель посещал редко. Без надзора архиерея почувствовали волю канцеляристы из архиерейского приказа, оставшегося в Вознесенском монастыре.

Вице-губернатор Плещеев пришел в бешенство, когда узнал, что по делу скрытого им восстания бурят он подчиняется суду Селенгинского полковника Бухгольца. Первым делом, он не дал знать об этом Бухгольцу,

задержав следующее на его имя предписание через Иркутскую канцелярию из Тобольской. В июне Иннокентий (Нерунович) спрашивал у Бухгольца – скоро ли он начнет предписанное ему следствие? И получил на это ответ, что нет соответствующего приказа. Далее Плещеев разобрался с Гагариновым. Сначала, под пытками вице-губернатор вынуждал его отказаться от своих показаний, но когда это не удалось, то заковал Гагаринова в кандалы и в таком виде отослал в Тобольск в Сибирскую губернскую канцелярию.

Затем свирепый Плещеев взялся за духовенство и путем различных доносов арестовал: протопопа Маркиана, священников Скорнякова и Шангина и некоторых других. Их дела затянулись, церкви простаивали без богослужений. Владыка Иннокентий смело отвечал обезумевшему Плещееву, но все было тщетно. Бесплезная переписка с вице-губернатором затянулась. Жители стали жаловаться на долгое отсутствие священнослужителей. Наблюдалась абсурдная картина – скованные священники сидели под стражей в Провинциальной канцелярии, а по всей епархии горевала овдовевшая паства, которая не могла понять, в чем виноваты пастыри. Плещеев, дабы затянуть дело, донес о происшедшем в Сибирскую Канцелярию, прося ее совета, как поступить в такой ситуации. В ожидании ответа на свое донесение, он подсмеивался над попытками иерарха помочь духовенству. Октябрь, ноябрь и декабрь 1736 г. и еще много месяцев прошло без перемены положения бедных узников в отлучении их от мест служения и от своих семейств. Так крепко Плещееву удалось завязать этот узел [20, с. 47].

Извещения, которые настойчиво отправлял в Правительствующий Сенат епископ Иннокентий (Нерунович), не могли остаться без внимания. А дошедшие до Сената сведения о беспорядках и произволе вице-губернатора Плещеева, еще более укрепили уверенность в его неслыханной дерзости, о которой сообщал владыка. Гагаринов, привезенный в кандалах в Тобольск, был немедленно отпущен обратно в распоряжение Бухгольца, которому было предписано вести дело о бунте бурят законным порядком. На место

Плещеева вице-губернатором был назначен статский советник Бибиков Алексей Юрьевич, обязанный не увольнять Плещеева из Иркутска, пока не будет закончено следствие.

Бухгольц приступил к делу, которое в самом начале отозвалось новой неприятностью для преосвященного. Зачем-то понадобился следствию в Селенгинске учитель монгольского языка лама Лапсан, Нерунов Лаврентий Иванович. Как он ни был малоспособен для своего дела, но все же заменить его было некем, и монгольская школа, основанная Святителем Иннокентием (Кульчицким), с этого времени была уничтожена.

15 марта 1737 г. Бухгольц передал дело новому вице-губернатору Бибикову, который намного превосходил Плещеева и по уму и по образованию, но с первой же поры отношения между ним и архипастырем не заладились. Сеятель раздора Лебратовский оставался в прежнем неприкосновенном положении. Иерарх надеялся, что новый градоначальник обратит внимание на причину несогласий между епархиальной и гражданской властью и устранил ее, но это оказалось пустым мечтанием. Лебратовский также нашел у Бибикова покровительство, которым пользовался у предыдущих вице-губернаторов. По мере этого сближения росли претензии Бибикова к епископу Иннокентию, распространяемые по всему городу. Бибиков отрицательно относился к духовенству и не особенно торопился решить проблему, созданную Плещеевым. Священники все также были заключены в канцелярии, голодали. Казалось, что новый вице-губернатор передаст злосчастное дело в духовное ведомство, но этого не произошло.

Преосвященный Иннокентий окончательно понял, что с переменой власти, действия остались те же, и 4 мая 1737 г. он вторично написал в Святейший Синод с просьбой приехать в Санкт-Петербург для объявления дел великой важности. Прошло около пяти месяцев, и архипастырь вместо ожидаемого ответа из Синода, сверх всякого ожидания, получил через посредство Сибирской канцелярии довольно отрадное распоряжение из

конторы тайных розыскных дел, чтобы находящихся под стражей священников в силу нового указа не подлежащих суду светскому, освободить и препроводить в рассмотрение епархиального архиерея. Бибиков протянул около месяца, когда, наконец, 27 сентября 1737 г. прислал несчастных священников в архиерейский приказ.

Смена Плещеева и освобождение по предписанию конторы тайных розыскных дел священников из-под судебной власти иркутского вице-губернатора, окрылили епископа Иннокентия. Он видел, что гражданское правительство встало на его защиту и начал действовать смелее. В то же время, теряя надежду быть в столице для объяснений, он признал нужным описать Святейшему Синоду сцену от 21 мая 1736 г. в доме Глазунова, о чем молчал ранее, рассчитывая передать это возмутительное событие лично. Епископ, рассказывая о происшедшем, в частности писал: «Иркутский вице-губернатор Андрей Григорьевич Плещеев, и во время обеда, неведомо с какого вида напал на меня поносительными и укорительными словами, и ругая честь архиерейскую, бранил всякою неподобною скверною бранию, и кидался было бить своими руками, но недопустили того ему учинить обретающиеся тут люди, да к тому ж было мене битью посылал на гобвахту по солдат. И я видя такое бесчинство и себе бесчестие, ругательство же и брань, наипаче же опасаясь да не повредить чем здоровья моего принужден был от него уступить и уплыть в Вознесенский иркутский монастырь, где имел пребывание» [21, с. 73]. Прошло четыре месяца, а от Синода даже по этому чрезвычайной важности донесению не последовало никакого распоряжения.

Таким же образом, как ранее Плещеев, теперь Бибиков отказал в поездке по епархии в 1737 г. В этом же году епископ Иннокентий планировал побывать в Нерчинске, и опять встретил прежнее препятствие. Наконец, в 1738 г. епископ Иннокентий во что бы то ни стало решил добраться до Нерчинска, чтобы посмотреть край, пресечь беспорядки в Успенском монастыре, на которые жаловались миряне. В связи с этой поездкой архиерей

послал указы к настоятелям монастырей Посольского, Селенгинского и Нерчинского, чтобы они приготовили ему в своих вотчинах лошадей с телегами.

Весной 1738 г. путь был предпринят. 17 мая епископ Иннокентий (Нерунович) прибыл в Читу. 20 июня владыка достиг Нерчинска, где его встретили различные нравственные беспорядки, одним из которых было то, что новокрещенные буряты вновь возвращались в язычество. В Нерчинске архипастырь получил долгожданное известие от Святейшего Синода, пришедшее из Иркутска, касательно его просьбы приехать в столицу для личных объяснений. Синод предписал иерарху 17 января 1738 г. следующее: «Какие до рассмотрения Синода следовательные у Вашего Преосвященства нужнейшие о разных поведениях представления имеются, о том Вашему Преосвященству писал в Синод со всяким дел обстоятельством, а утрудения себе приездом в Санкт-Петербург за столь дальним отсюда до Иркутска расстоянием не чинить» [22, с. 79].

Какие же нужны Синоду от меня обстоятельственные представления? – размышлял владыка в Нерчинске и предписал в Иркутск своему приказу немедленно препроводить в Святейший Синод копии со всех его донесений Сенату, Сибирской канцелярии и Сибирскому приказу. По приезде в Иркутск, владыку обрадовал особый указ от Святейшего Синода, который предписывал вице-губернатору Бибикову подвергнуть Лебратовского ответу по донесению, сделанному епископом Иннокентием в 1734 г. об отнятии Лебратовским лазаретных денег у посланника из Иркутска. Воодушевленный последним указом иерарх еще раз писал в Синод о необходимости приезда в Санкт-Петербург, так как всех нужд епархии на бумаге передать невозможно. На это 26 января 1739 г. Синод ответил решительным отказом, потому что, сколько бы он ни сделал словесных заявлений в Синоде, они не могут быть приняты, так как здесь, как в коллегиальном месте, принимаются только письменные доклады. После этого архиерей отложил мысль о поездке в Санкт-Петербург.

По возвращении из Нерчинска, епископ просил Иркутскую Провинциальную канцелярию оказать содействие в прекращении нравственных беспорядков, замеченных в Нерчинском крае. Но Бибиков, как и Нерчинский воевода Деревнин, не обратил на это внимание. Также до сих пор оставался безнаказанным Лебратовский, находившийся под крылом вице-губернаторской власти. В конце сентября 1738 г. Нерунович отправил вопрос в провинциальную канцелярию – за что содержаться более двух лет без расследования: протопоп Маркиан, священники Яков Соболев и Алексей Шангин и другие, а церкви остаются без служения. Но Бибиков упорно молчал.

Епископ Иннокентий был глубоко огорчен невниманием вице-губернатора не только к своим требованиям, но и к предписаниям Святейшего Синода. В таком состоянии духа епископ Иннокентий решил разбудить спячку Провинциальной канцелярии. 22 октября 1738 г. Иркутск огласился грамотой архипастыря об отречении нечестивца Лебратовского: «...яко неоднократно пастырское увещание персональное, к покаянию его ведущее презрев же, и весьма пренебрег, и пребывает доселе в жестокосердии своем, не подавая уже через пять лет надежды исправления своего. Того ради данную нам от Бога и Господа нашего Иисуса Христа власть и отвергаем его от общества христианского, и яко непотребного члена от тела Церкви Христовой отсецаем» [22, с. 82]. Неизвестно, как отреагировал на отлучение Лебратовский, но Бибиков расшевелился и через три дня после объявления этой грамоты освободил арестованных священнослужителей: протопопу Маркиана, священников Шангина, Соболева, Скорнякова, причетников Рябуху и Стукова, но с жестоким приговором: «За разноречие и недосказанность двух священников Скорнякова и Шангина, вместо публичного наказания плетьюми, послать для заслужения на Камчатку за их младость да и за то, что долговременно под караулом содержались; также и протопопу за его старость и долговременное под караулом содержание учиняя плетьюми наказание, сослать же по Его

Преосвященства рассуждению» [22, с. 83]. Владыка, изумленный таким неожиданным решением, кратко отвечал: «Ссылать в Камчатку не имею полномочия; а канцелярию прошу впредь подобных дел так долго не проворачивать» [22, с. 83]. Это произошло в исходе 1738 г.

В начале 1739 г. Иннокентий (Нерунович) получил ободрение от Синода. Его известили указом, что посланные им ранее донесения о злоупотреблениях Иркутской провинциальной власти и о бездействии ее по делу возмущения жителей Братска в Синоде получены и отправлены на обсуждение Сената. Преосвященный просил вице-губернатора позволить всем офицерам и солдатам Якутского полка, которые обитают в Иркутске, для исповеди и причастия посещать Иркутский собор, здесь прослеживается забота владыки о временных жителях Иркутска. Бибиков дал согласие, но отверг требование посещать Иркутский собор, вице-губернатор писал в ответном указе, о необходимости старательно следить за казаками и посадскими людьми, чтобы «никто из Иркутска, не быв у исповеди и Святого Причастия, не отъезжал, а выехавшие представляли бы по указу удостоверения и вторично исповедовались; не бывшим же по тех мест не выдавать паспортов, пока не исполнят сих обязанностей» [23, с. 92]. Это был редкий пример взаимодействия духовной и гражданской власти г. Иркутска, направленный, что вызывает еще большее восхищение, на духовное просвещение жителей земли Иркутской.

Правда, Бибиков продолжал по-прежнему укрывать Лебратовского, несмотря на прямой указ из Святейшего Синода, касательно его преступления. Всю вину за мятеж в Братске он сложил на своего предшественника Плещеева. Между вице-губернатором Бибиковым и Иннокентием (Неруновичем) периодически вспыхивали ссоры [23, с. 96], которые активно поддерживались различными недоброжелателями. Секретарь Бибикова Лапаков решился на вопиющую наглость – поставил на территории, принадлежащей Крестовоздвиженской церкви, свою усадьбу и этим поступком захватил церковное достояние. Иерарх просил защиты у

вице-губернатора, но тот только поглумился над его заявлением. Ко всему прочему, Лапаков лично явился к архипастырю и обесчестил его словами, на какие только способен был необразованный подьячий, почувствовавший свою безнаказанность. Так была захвачена земля, законно принадлежавшая церкви. Владыка доложил об этом захвате Святейшему Синоду, но помощи не последовало.

Епископ вновь в 1739 г. сделал попытку попросить у Бибикова подвод для проезда через Бельск и Балаганск до Братского острога и до Илимска для обозрения епархии и для обращения инородцев, однако получил прежний отказ, который повторился и в 1740 г. 26 июня 1740 г. в Иркутск прибыл Лоренц Ланг, бывший директор Пекинских караванов, прославившийся зверской расправой в Пекине с начальником Пекинской Духовной Миссии архимандритом Платковским.

Лишенный должности, Бибиков не сразу был отпущен из Иркутска, потому что обязан был дать отчет о своем трехлетнем правлении своему преемнику. Что его правлением не все были довольны, доказывает множество жалоб, принесенных преосвященному Иннокентию от лиц разных сословий, которые он непременно отправлял в Сенат и Сибирский приказ. Необходимо рассказать и об участии Лебратовского, так долго досаждавшего Иркутскому архипастырю и словом и делом.

В феврале 1739 г. отлученный от церкви Лебратовский был при смерти. Но ни один из священников не пошел причащать тяжелобольного. Лебратовский отправил к архиерею ходатаев, но владыка оставался непреклонен. 26 мая жена Лебратовского родила дочку – епископ не позволил крестить младенца, несмотря на просьбу вице-губернатора Бибикова. Так наболело на душе архипастыря от козней Лебратовского, который был вынужден отправить жалобу в Синод с приложением копии отлучительной грамоты. 12 апреля 1740 г. иерарх получил указ из святейшего Синода о том, что он не находит причин для отлучения Лебратовского от церкви, также здесь указывалось, что владыка Иннокентий

не имел право на отлучение без предварительного сообщения о происшедшем Синоду. Епископу предписывалось незамедлительно крестить новорожденную дочь Лебратовского, а его жене и детям разрешить посещать церковь, ибо никакой их вины в отлучительной грамоте не значится. Также архиерею предписали никого анафеме (отлучению) не предавать, без сообщения Синоду вины и причин отлучения от церкви.

Лебратовский восторжествовал и заявил о необходимости ехать в Санкт-Петербург для личных объяснений в Синоде, в чем ему никто не воспрепятствовал. Преосвященный же в свою очередь представил в Святейший Синод в оправдание отлучения: расхищение Лебратовским монастырских имений, оставшееся без взыскания; произнесение лично на владыку, как Лебратовским, так и женою его обид и поношений; поблажки Лебратовскому со стороны местных властей; и, наконец, безмолвие Синода на донесения о злоупотреблениях Лебратовского. Также владыка сообщил Синоду о том, что Лебратовский сам направляется в Санкт-Петербург для своего оправдания.

В мае 1741 г. Синоду стало известно, что Лебратовский в Москве, но к Синодальному суду не является. 15 мая было предписано, сыскав его, держать скованным под караулом до указа. Через неделю его арестовали. Московской Синодальной канцелярии было поручено рассмотреть все преступления Лебратовского, указанные епископом Иннокентием (Неруновичем) и поступить с ним в соответствии с законом. Итак, с отсутствием Лебратовского была уничтожена главная причина раздора между епархиальной и провинциальной властью в Иркутске [24, с. 122].

2.2 Вторая поездка в Якутию (1741-1743 гг.)

12 января 1741 г. в Иркутске молились за новую правительницу Анну Леопольдовну. 17 марта в Иркутском соборе, а назавтра в прочих церквях города, совершался благодарственный молебен за императора Иоанна. 26 мая

был молебен о здравии герцога Антона Брауншвейгского, родителя младенца-государя, 31 мая был вторичный молебен о нем. 22 октября отслужен благодарственный молебен по случаю рождения сестры императора Екатерины Антоновны. 18 октября колокольным звоном праздновался день восшествия на престол императора Иоанна.

Наскучили ли преосвященному частые переезды из Жилкинской заимки в Иркутск для бесконечных молебнов, или он как кровный сын России не сочувствовал иноверному правительству – только владыка Иннокентий не дождался конца церемонии и после совершения молебна о здравии Антона Ульриха 26 мая отправился в Якутск.

Миновали времена Плещеева и Бибикова, не было и Лебратовского. Со стороны нового вице-губернатора Ланга не было препятствий к поездке преосвященного. Ланг выдал сумму, необходимую владыке для поездки в долг. На этот раз архиерей оставлял Иркутск на два года. Управление епархией иерарх поручил своему приказу, который находился в Вознесенском монастыре и состоял из архимандрита Корнилия, иеромонаха Венедикта, и иеродиакона Никона (Красовского). При более важных делах приказ должен был ожидать ответов владыки из мест его путешествия.

В 1741 г., находясь в Якутии, Иннокентий (Нерунович) отправил из Якутска на Камчатку иеродьякона Гавриила (Притчина), который крестил около 900 камчадалов. В Верхневиллюйском остроге благословил на проповедь камчадалам иеромонаха экспедиции Витуса Беринга Дамаскина [42, с. 261]. Ещё раньше он направил в эту экспедицию монахов Иркутского Вознесенского монастыря Феофила (Филиппа Волкова) и Мисаила (Михаила Сивцова) для организации богослужения и крещения аборигенов, снабдил её походной церковью [5, с. 436]. Впоследствии эту церковь Витус Беринг подарит основанной им Петропавловской гавани, а иеромонах Дамаскин будет крестить в ней камчадалов, обитавших в окрестностях гавани.

В отсутствие архиерея в Иркутске произойдет много важных событий, одно из которых – торжество воцарения императрицы Елизаветы Петровны.

Епископ Иннокентий (Нерунович) 2 года гостил в Якутии и большую часть времени проводил в Якутском кочевье при р. Вилюе. Указы, следовавшие из Синода рассматривались в архиерейском приказе, кроме тех, которые требовали распоряжений епископа, они отсылались к нему на рассмотрение.

Заочный образ управления со стороны архиерея мог замедлить течение епархиальных дел. Не менее того, обременялись монастырские крестьяне, которых обязывали на своих лошадях доставлять большие хлебные запасы и другое необходимое из Иркутска, а отсюда сплавать по р. Лене в Якутск, здесь служители монастыря должны были препровождать нужное для владыки на Вилюй. К сожалению, владыка отправился в Якутию именно в момент, когда Синод после смерти Феофана (Прокоповича) обратил пристальное внимание на Иркутскую епархию. Указом от 22 мая 1742 г. объявлено, что согласно представлению Его Преосвященства о прибавке ему жалования и содержания, из которого можно бы делать снабжение и воспринимающим святое крещение инородцам, Святейший Синод по соглашению с Правительствующим Сенатом назначил ему в прибавок к жалованию 400 рублей в год. Но эти запоздалые обрадования скользили по наболевшей душе владыки, не производя глубоких впечатлений [25, с. 319].

5 августа преосвященный Иннокентий прибыл в Якутск. 12 августа дано разрешение священникам Якутской Николаевской церкви Григорию Васильеву и Иоанну Оконешникову и церковному старосте Федору Истомину построить при этой церкви храм во имя Тихвинской Богородицы с приделом. В тот же день дан указ о строительстве в Верховилуеком остроге церкви во имя Николая Чудотворца. 22 августа новорукоположенный священник Григорий Чупров назначен в эту строящуюся церковь. 28 августа даны указы: священнику Андрею Ядрыхинскому служить в часовне при Якутском заводе; священнику Илие Прохорову быть в команде Камчатской экспедиции Беринга; священнику Артемию Васильеву служить в одном из трех Камчадалских острогов; новоизбранному священнику Михаилу

Сивцову служить также в одном из Камчадалских острогов. В августе диакон Алексей Габышев переведен на служение в Якутский собор.

28 августа указ священнику Григорию Чупрову об освящении Верхневиллюйской церкви священником Иоанном Оконешниковым. 10 декабря дан указ о постройке церкви Преображения Господня в Амгинской слободе. 1 мая 1743 г. новоизбранный священник определен для служения на Камчатке близ Авачинской Губы в церкви Рождества Пресвятой Богородицы. 10 мая дан указ священнику Димитрию Попову о бытии в Жиганских зимовьях в часовне Николая Чудотворца. 16 мая протопопу Андрею Тарлыкову указано освятить в Якутском Спасском монастыре церковь Знамения Пресвятой Богородицы. 29 июня дан указ священнику Иоанну Оконешникову об освящении новопостроенной церкви во имя Иоанна Предтечи. В связи с кончиной настоятеля Якутского монастыря игумена Паисия, епископ поручил управление монастырем иеродиакону Ипполиту, а строителем определил схимонаха Епифания [26, с. 333].

В январе 1742 г. были куплены 200 медных крестов для новокрещенных якутов. Не напрасно покупались владыкой в значительном количестве медные кресты – они предполагают значительное количество новокрещенных. Кроме снабжения Охотска и Камчатки священниками, архиерей обратил внимание на глубокий Север. Постройка в Жиганах часовни, освящение в Колымских зимовьях церкви и возведение за один год церкви в Верхневиллюйском остроге, также назначение в эти церкви священников – события для края памятные. Верховиллюйская церковь была выстроена местными средствами, под личным наблюдением архипастыря, это и удерживало его долгое время на Вилное, что породило массу различных слухов. Выстроенная и освященная церковь в Вилное сперва содержалась на средства прихожан, но затем была всем обеспечена от казны, по ходатайству епископа [27, с. 348]. Как полагает историк Громов П.: «200 шейных медных крестов предполагают такое же количество новокрещенных, стяжавших право ношения этих крестов. Устроение церкви на Вилное, где большую

часть времени провел архипастырь, под непосредственными его распоряжениями, указывает на то, что церковь стала необходимой» [35, с. 468]. Наконец, к осени 1743 г. Иркутск увидел своего архиерея, отсутствовавшего два с лишним года.

В донесениях в Синод Нерунович указывал на трудности распространения православия среди коренного населения, сообщая о диком нраве местных народов и что, без обещания подарков, они не хотят креститься: «Не подарив же ничем и неудоволив их то и ко крещению нейдут... Понеже здешной иноземческой народ весьма грубой и обычай имеет зверской. И аще оные не лаской и потешением каковых либо подарков от одеяния или от пищи и пития неудоволятся, то их в лесах и на степях невозможно и сыскать на разговор и ко крещению привлекать» [43, с. 124]. Однако, прежде всего христианизации инородцев нередко препятствовала позиция местных властей, которые нарушали льготы, установленные для принявших православие коренных жителей Восточной Сибири (освобождение от уплаты ясака на 10 лет на Севере и на 5 лет на Юге), продолжали собирать ясак с новокрещённых, что отвращало население от православия и вызывало недовольство. Кроме того, желающие принять христианство ожидали от церкви богатых подарков, а без них отказывались креститься. Между тем, правительство не выделяло Иркутской епархии средств для этого, тогда как в Европейской России – в Астраханской, Казанской и других губерниях – на эти цели ежегодно выделялось по десять тысяч рублей и пять тысяч четвертей хлеба на каждую губернию.

Епископ обращает внимание, что новокрещенные, имеющие билеты, подвергаются как «жестоким истязаниям» со стороны сборщиков ясака, так и поборам канцелярских служителей. Кроме того, в связи с тем, что общий объем ясака оставался неизменным и вне зависимости от численности получивших льготы раскладывался на оставшуюся часть населения, понятна недоброжелательность сородичей к неофитам. Учитывая неграмотность населения, незнание русского языка, очевидно, что жителям якутских

волостей было проще не принимать крещение и оставаться в ясачном тягле, чем отстаивать свои права при наличии билета о льготе [46, с. 93].

Вопрос о распространении подобного порядка и на Иркутскую епархию Иннокентий ставил перед Синодом в своём донесении. Епископу пришлось за счёт своих личных средств купить всем новообращённым кресты, а также лично сшить им одежду, о чем еще в 1740 г. он сообщал в Синод: «Для лутчей же им охоты в привождении во христианство... покупал им из своего иждивения кресты по рангу смотря серебряные, шил платья, рубахи, порты, камзолы, кафтаны, шубы. И которые в их идоляторстве главные яко шаманы, т. е. волшебники, ламы, или по их злочестию попы, и учителя тайши, зайсаны, шоленги, князьи тем камчатные и суконные либереи из добраго сукна и из хороших камчатых материй чинены были и бывають, а подлым же рубахи с порты, камзолы и кафтаны китайские и сермяжные даются. Також де и пища не престанная, пока оные при доме моем обретаются. На что как деньгами, одеянием и пищею выходит немалая сумма, а я взять не имею откуда» [43, с. 124]. Ходатайствовал Иннокентий и о постройке в Якутском Спасском монастыре богадельни для престарелых крещённых якутов, которая одновременно должна была служить приютом для приезжающих в монастырь на крещение [41, с. 306].

Итак, второй визит Иннокентия Неруновича в Якутию состоялся в 1741–1743 гг., когда епископ, лишившись опоры в лице иркутской гражданской власти, купечества и духовенства, оставил кафедру и проживал на берегах рек Лены и Вилюя в течение двух лет. Тем не менее, он благословил строительство храмов в Верхневиллюйском остроге, в Жиганском (часовни) и Колымском зимовьях, Амгинской слободе и освящение Градо-Якутской Иоанно-Предтеченской церкви. Совместно с духовенством епархии архиерей крестил якутское население, и его новокрещенных затем стали называть «неруновскими».

Впечатляет мобильность архиерейских поездок, когда менее чем за полгода (июль – ноябрь) он посетил 24 волости Якутского уезда, за 1741 г.

епископ Иннокентий крестил 192 человека из числа инородцев. Общее же число новообращённых епископом во время его путешествий в Якутию (1735 и 1741–1743 гг.) превысило 450 чел. Всего же за время своего управления Иркутской епархией Неруновичу удалось крестить более 500 человек [40, с. 47]. Поездки по епархии впоследствии совершали и другие епископы, но добиться таких результатов им не удалось.

Архиерей внес значительный вклад в развитие миссионерской деятельности. Еще находясь в Москве, он подготовил проект христианизации язычников. Епископ собирался организовать подготовку переводчиков, контролировать соблюдение льгот для новокрещенных, устроить для них школы. Однако поддержки у местных властей и правительства так и не нашёл.

Глава 3. Последние годы на Иркутской кафедре (1743-1747 гг.) и краткая история издания Иркутских епархиальных ведомостей

3.1 Удаление в Жилкинскую заимку и кончина (1743-1747 гг.)

По возвращении из Якутска в 1743 г. епископ Иннокентий (Нерунович) удалился в Жилкинский загородный дом. За хозяйственные вопросы в епархии в отсутствие архипастыря отвечал иеродьякон Никон (Красовский). Епархиальные дела большей частью лежали на архиерейском приказе, который после кончины архимандрита Корнилия, состоял из одного иеромонаха Венедикта. К концу года его заменит спутник преосвященного иеромонах Ипполит (Безносов), а Венедикт будет послан настоятелем в Якутский Спасский монастырь.

Вице-губернатор Лоренц Ланг не позволял себе, подобно его предшественникам, грубых выходов против Неруновича, однако периодически проверял его терпение. Бывало, что в таможах задерживали табак, который в немалом количестве требовал к себе во время поездки в Якутию, преосвященный Иннокентий для подарков новокрещеным. Также была конфискована слюда, купленная владыкой в Вилюе для своих и церковных нужд, так как в Иркутских храмах до середины XIX в. делались слюдяные окна, из-за недостатка стекла и даже из предпочтения слюды стеклу. Дела эти заканчивались в пользу вице-губернатора и этим только раздражали спокойствие архиерея.

Первым делом церковный иерарх выполнил не терпевшие отлагательств распоряжения, такие как пополнение вакантных мест. В Якутском монастыре по смерти игумена Паисия не было настоятеля, также скончался соборный протопоп Иоанн Старцев. Архипастырь распорядился на место управляющего монастырем схимонаха Епифания в Якутск отправить одного из членов своего приказа иеромонаха Венедикта (Шапошникова). Для собора в декабре 1743 г. иерарх произвел протоиерея Власия Миронова,

духовенству было предписано подчиняться протоиерею, как старейшему лицу в епархии. Должность ключаря возложена на соборного священника Алексея Шангина в марте 1744 г. В этом же году отошла ко Господу первая настоятельница Иркутского Знаменского монастыря, игуменья Акилина в возрасте 78 лет, вероятно, возведенная в сан епископом Варлаамом (Косовским) первым Иркутским епископом, так как Святитель Иннокентий (Кульчицкий) по прибытии в Иркутск в 1720 г. нашел ее уже в сане игумении. Усопшая заменена наместницей – монахиней Агафией (Лосевой). Надо отметить, что преосвященный Иннокентий наименование Соборной церкви в Иркутске, оставил только за одной Богоявленской, а бывшую Соборную Спасскую церковь причислил к приходским церквям [28, с. 431].

Архипастырь был поражен известием о помиловании, а затем повышении Лебратовского до посредника между Пекинской Духовной Миссией и Китаем и назначением его русским агентом в Китае. Чтобы объяснить происшедшее, нужно сказать, что Лебратовский владел «рычагом», благодаря которому поворачивались дела в выгодную ему сторону. Рычагом этим являлись деньги разоренных им монастырей и якутские соболя [30, с. 196].

9 июля 1744 г. Синод предписал: «Отныне во всех епархиях, в домах архиерейских, в которых духовные дела отправляются, различно донныне именуемым, именоваться Консисториями» [30, с. 195–196]. В Иркутске этот указ был получен 25 октября 1744 г. с этого дня начала свою историю Иркутская Духовная Консистория. Но только бывший архиерейский приказ, переименованный в консисторию, не стал от этого деятельнее. Иеромонах Ипполит (Безносков), как сосланный в Сибирь при императрице Анне Иоанновне из Ниловой пустыни Ржевского уезда, и помилованный манифестом Елизаветы Петровны, в июле 1744 г. уехал из Иркутска. После этого отняли и последнюю опору преосвященного иеродиакона Никона, который был отправлен в Москву по доносу Лебратовского. Теперь

Духовную Консисторию возглавлял приказной надзиратель Яким Филипов со своими подьячими.

Архиерей сам обрек себя на затворничество в устроенной им за Вознесенским монастырем Жилкинской заимке, так что очень редко посещал свой приказ, и это только способствовало распущенности иркутского духовенства. После поездки в Якутск энергия и здоровье преосвященного настолько ослабли, что 1 мая 1744 г. он дал странное приказание, чтобы никто не беспокоил его никакими заявлениями, кроме дел самых нужнейших, касающихся его лично. После этого в делах епархии произошел окончательный застой. В связи с этим отношение Синода к Неруновичу значительно ухудшилось [29, с. 175]. Под влиянием всего пережитого, с архиереем произошло следующее: «Епископ Иннокентий носил в душе своей много данных, что репутация его страдает, и в этой душе произошла странная перемена, – прежнюю его энергию выместило равнодушие к делам управления до того, что он, запретил представлять к себе всякие доношения, под которыми можно разуметь и частные просьбы и дела официальные, кроме самонужнейших и касающихся только его особы; иначе сказать, весь погрузился в думу о самом себе» [29, с. 180].

В целом подытожить последние три года архиерейского управления можно только одним ярким событием – перед своим отъездом в 1746 г. епископ Иннокентий упразднил архиерейский приказ и уволил его служителей. Вместо архиерейского приказа создавались два независимых органа: архиерейский дом и духовная консистория. Архиерейский дом занимался управлением земельными владениями епископа и его обслуживанием (подготовка выезда, столовые припасы, облачение и другое). Духовная консистория ведала делами церковного управления. Она состояла из присутствия и канцелярии. В присутствии заседали члены консистории, назначенные епископом и обладавшие правом голоса. Возглавлял консисторию наместник, он же председатель присутствия. Эту должность в XVIII в., как правило, занимал настоятель Вознесенского монастыря. Его

заместителем и постоянным членом присутствия был протопоп Богоявленского собора Иркутска [44, с. 23].

10 января 1746 г. епископ Иннокентий (Нерунович) получил 2 срочных Синодальных указа, в которых говорилось, что Синод, учитывая прошение архипастыря с 1736 по 1740 гг. о приезде в Санкт-Петербург для личного отчета о различных нуждах Иркутской епархии, и то, что прошло достаточно времени его управления епархией для ее осмотра, постановил следующее: «Вашему Преосвященству для отчета в епархиальных церковных нуждах и других поведениях Святейшему Правительствующему Синоду, ехать в Санкт-Петербург немедленно» [31, с. 215]. Скорее всего, это был не простой вызов в Синод, а благовидное отстранение Неруновича от управления Иркутской епархией, что подтверждается приказом архиерею приехать немедленно.

Преосвященный ответил Синоду, что не может приехать по болезни и из-за отсутствия причин для личных объяснений. 18 июня 1746 г. Синод ответил ему указом, в котором вновь предписывал незамедлительно выезжать в столицу. Преосвященный, несмотря на нездоровье и тяжелое состояние духа, стал готовиться в далекий путь. 6 августа пришел еще один Синодальный указ, напоминавший о скорейшем выезде из Иркутска. Тогда владыка решил ехать через неделю. На путевые издержки архиерей занял у Вознесенского монастыря под расписку 500 рублей.

13 августа епископ Иннокентий выехал из Иркутска. Архимандриту Нафанаилу архипастырь поручил управление Вознесенской обителью и поручил ему быть постоянным председателем Духовной Консистории, в связи с кончиной назначенного на это место иеромонаха Лаврентия (Бобровникова). Ему в помощь был определен соборный ключарь Алексей Шамгин. В тот же день консистория получила от архиерея инструкцию, что на нее возлагалось полное управление Иркутской епархией, кроме распоряжений, зависящих только от архиерейской власти.

Преосвященный, плывя от Иркутска по р. Ангаре, обозревал церкви епархии, входил в учеты церковных старост. Во время посещения Балаганска он успел крестить 8 бурят. В начале сентября болезнь владыки усилилась, и он с большим трудом добрался до Братской пустыни. Здесь архиерей совсем разболелся и далее следовать был уже не в силах. В конце ноября ему стало легче, но он все еще был слаб для того, чтобы продолжать дорогу. В феврале 1747 г. болезнь епископа приняла тяжелый характер, его жизнь была в опасности. 9 февраля к нему приехали 2 священника из Братского острога для совершения над ним таинства елеопомазания. Затем, к тяжело больному архиерею отправился архимандрит Нафанаил для благословения и личных приказаний [32, с. 248–249].

Несмотря на тяжелое состояние здоровья, преосвященный владыка ознаменовал свое пребывание в Братской пустыни такой неусыпной деятельностью, которой, казалось, хотел возместить долгое бездействие в Жилкинской заимке. Как только его состояние улучшалось – он совершал богослужения в церкви Братской пустыни, решал епархиальные дела, представляемые от консистории. Последнее богослужение епископ Иннокентий совершил 12 апреля 1747 г. в неделю Вайи. 22 апреля, на Пасху, архиерей был уже прикован к постели. 3 мая над епископом второй раз было совершено таинство елеосвящения. Когда болезнь ослабла архиерей занимался епархиальными вопросами и даже отправил в Синод просьбу о разрешении вступления в браки ссыльным, за которыми прежние супруги не последовали в Сибирь. 1 июня 1747 г. он настолько ослаб, что уже не мог писать, в это время он объявил свое распоряжение, чтобы тело его погребли в Спасской пустыни. 19 июля преосвященный уже ничего не мог говорить. 26 июля 1747 г. в воскресенье, после 10-месячного пребывания в Братской пустыни, епископ Иркутский и Нерчинский Иннокентий Нерунович почил [33, с. 437].

Подводя итог всему вышеперечисленному, стоит заметить, что у Иннокентия (Неруновича) сложились достаточно непростые отношения с

духовенством Иркутской епархии в последние годы его управления. За каждый из проступков следовало наказание, особенно для «уличенных в пьянственном грехе». Одновременно он отстаивал каждого священника или причетника перед гражданской властью во время «разборов». В 1737 г. он пошел на крайне непопулярную меру – приказал произвести насильственное пострижение всех вдовых священников в монахи. В начале 1740-х гг. он повторил подобную практику. В среде местного духовенства подобные меры воспринимались неоднозначно, вызывая ропот и противодействие. Опора архиерея в сибирском обществе сокращалась, одновременно увеличивался поток жалоб в Синод. 13 августа 1746 г. он покинул Иркутск и выехал в Санкт-Петербург. Из-за болезни епископ был вынужден остановиться в Братской Спасской пустыни, ставшей его последним прибежищем, где он и скончался.

3.2 Иркутские епархиальные ведомости: редакторы и структура

Иркутские епархиальные ведомости (ИЕВ) являлись официальным изданием Иркутской епархии, выходившим с 1 января 1863 по 1919 гг. «В них регулярно печатались отчеты о путешествиях священников по Восточной Сибири, статьи и документы по истории церкви в регионе, биографии видных представителей духовенства, сведения о состоянии духовных школ, церковных библиотек и другие разнообразные материалы. «Ведомости» содержат уникальные факты по истории сибирских церквей. Они дают возможность представить развитие восточно-сибирской церковной архитектуры и иконописи» [40, с. 17]. Вплоть до 1880 г. ИЕВ оставались единственным в Сибири епархиальным изданием.

В 1863 – 1894 гг. издавались еженедельно, с 1865 г. – 2 раза в месяц. Первоначальный тираж составлял 1,2 тыс. экземпляров, в 1864 г. издатели выпустили 600 экземпляров, в дальнейшем тираж назначался в зависимости

от спроса. В 1917 – 1919 гг. издание выходило менее регулярно, чем раньше, за некоторые месяцы номера не выпускались [1, с. 136].

Разрешение на выпуск ИЕВ было дано указом Святейшего Синода от 23 октября 1862 г. по ходатайству архиепископа Иркутского Парфения (Попова). Структура журнала была утверждена Синодом. Вплоть до 1880 г. ИЕВ оставались единственным в Сибири епархиальным изданием. По этой причине до появления новых изданий ИЕВ распространялись в других сибирских епархиях, в них помещались официальные документы и другие материалы, касающиеся этих регионов. Подписчиков на ИЕВ в 1864 г. было 526, в том числе из Москвы, Орла, Рязани, Смоленска, Архангельска и других городов. Священник Димитрий Гагарин составил 2 библиографических указателя к изданию, доведя их до 1904 г., а в 3-м выпуске представил полный состав редакторов, цензоров и сотрудников ИЕВ» [39, с. 518].

Первым редактором ИЕВ стал протоиерей кафедрального Богоявленского собора города Иркутска Прокопий Громов (до 1870 г.). Следующим редактором был ректор Иркутской духовной семинарии архимандрит Модест (Стрельбицкий), впоследствии архиепископ Волынский (1871 – 1877). Затем редактором стал начальник Иркутской духовной миссии архимандрит Мелетий (Якимов), впоследствии епископ Рязанский, и иеромонах Гурий (Буртасовский), преподаватель Иркутской духовной семинарии, впоследствии епископ Симбирский (1877 г.). Архимандрит Григорий (Полетаев), впоследствии епископ Омский (1878–1887 гг.). Его сменил кафедральный протоиерей Афанасий Виноградов (1888 – 1894 гг.).

Далее редакция вновь переходит в семинарию. Редакторами в разное время были: ректор ДС архимандрит Евсевий (Никольский), впоследствии митрополит Крутицкий (1895 – 1896); преподаватель семинарии священник Иннокентий Подгорбунский (1897 – 1904); ректор архимандрит Никон (Бессонов), впоследствии епископ Енисейский (1905). С перерывами издание редактировали преподаватель ДС протоиерей Иоанн Дроздов (1905 – 1916);

ректор архимандрит священномученик Евгений (Зернов), впоследствии митрополит Горьковский (1906 – 1913); ректор архимандрит Зосима (Сидоровский), впоследствии архиепископ Енисейский (1913 – 1914); ректор архимандрит Софроний (Арефьев), впоследствии архиепископ Краснодарский (1914 – 1917); священник Попов П.А. (1916 – 1917); Одинцов М.В. и Дурницын Д.Н. (1917 – 1918).

ИЕВ состояли из официального отдела и неофициального, также были и прибавления. В официальной части публиковались указы, распоряжения Синода, сведения о награждениях, о перемещениях по службе священнослужителей, о поездках и служении правящих архиереев, о происшествиях, подробнейшие отчеты о деятельности духовно-учебных заведений, попечительства о бедных и другие. В первых номерах журнала публиковались данные обо всех органах епархиального управления: списки членов Иркутской духовной консистории и попечительства о бедных, благочинных, настоятелей монастырей, миссионеров, депутатов епархиальных съездов, полного состава духовно-учебного ведомства, сведения о церковных старостах и об их деятельности. За 1863 – 1888 гг. в официальной части был опубликован 1231 материал, в том числе 920 высочайших манифестов, указов и определений Синода, 311 распоряжений иркутского епархиального начальства.

Неофициальная часть отличалась разветвленной структурой и делилась на 9 отделов. За 1863 – 1888 гг. в неофициальной части было напечатано 2243 материала. Из них в историческом отделе – 355; в проповедническом (речи, наставления, слова, в том числе произнесенные духовенством не из Иркутской епархии) – 270; в миссионерском – 321 (в том числе 204 о Забайкальской и Иркутской духовных миссиях: отчеты миссий, отчеты о поездках, описание нравов и верований разных народов, записки миссионеров, методические статьи), 33 – по Пекинской миссии, 20 – по Камчатской, 16 – по Японской, 11 – по Енисейской епархии, 9 – по Якутской епархии, 3 – по Алтайской миссии, 25 статей было перепечатано из других

изданий; в отделе «известий и заметок» – 687 материалов; в отделе стихотворений – 45 (в основном стихи религиозного содержания); в медицинском – 49; в биографическом – 47; в библиографическом – 12; в отделе «епархиальной жизни» – 468: в том числе 74 – по Иркутской епархии (рассказы о конкретных событиях, письма в редакцию, полемические материалы, статьи нравоучительного характера, адреса юбилярам), 50 – по Камчатской епархии, 34 – по Енисейской, 10 – по Якутской епархии.

В Прибавлениях к ИЕВ [1, с. 135] основное место занимали материалы по истории Церкви в Сибири, исторические очерки отдельных храмов, церковных школ. В Прибавлениях печатались статьи почти обо всех монастырях епархии: Посольском в честь Преображения Господня монастыре (1872. № 12–14, 19–20, 22, 28, 44, 46; 1881. № 44; 1892. № 52), Нерчинском в честь Успения Пресвятой Богородицы монастыре (1883. № 45), Иркутском в честь иконы Божией Матери «Знамение» монастыре (1890. № 14–15, 17, 20–21, 24–27), Иркутском в честь Вознесения Господня монастыре (1905. № 3–4; 1908. № 24; 1910. № 4; 1911. № 11; 1912. № 3; 1914. № 13–14), Иркутском Князь-Владимирском монастыре (1906. № 20–21), Усть-Киренском во имя Святой Троицы монастыре (1912. № 15). Опубликованы летописи храмов Иркутской епархии: «Летопись Градо-Иркутской Преображенской церкви, ведена с 1867 г.» (1875. № 23), «Летопись Градо-Иркутской Крестовоздвиженской церкви с 1717 по 1771 гг.» (1875. № 26–27, 35–42, 45, 47), «Летопись Успенской церкви г. Иркутска, составленная по архивным актам бывшим настоятелем сей церкви, священником Иоанном Родионовым» (1876. № 26, 29), «Летопись Верхнеудинского округа, Урлакской волости, Малокударинской Покровской церкви, составленная по архивным делам и по сохранившимся преданиям» Решиковым М. (1876. № 50–51), «Летопись Усть-Кяхтинской Тихвинской церкви» (1882. № 36–38), «Летопись Кудинской Свято-Троицкой церкви Иркутского округа», составленная Протопоповым И. (1892. № 1–3), «Краткая летопись (1791–1891) существования храма в Бирюльском селении,

Иркутской губернии, Верхоленского округа, Качугской волости», составленная Колодезниковым А. (1892. № 4–5).

Значительные по объему материалы о Тобольских и об Иркутских епископах подготовил к печати протоиерей кафедрального Богоявленского собора г. Иркутска Прокопий Громов. В течение нескольких лет выходили публикации о Тобольском святителе Антонии (Стаховском) (1863. № 13–14), об Иркутских епископах: святителе Иннокентии (Кульчицком) (1863. № 15, 17, 21–24, 26; 1864. № 1–5, 7–8, 10–13, 15, 17–40, 46; 1865. № 2, 4–6), об Иннокентии (Неруновиче) (1867. № 24–28, 34, 43–47, 50–52; 1868. № 3, 48–49, 51; 1869. № 25, 39; 1870. № 29, 39, 43, 48, 52), о Михаиле (Бурдукове) (1879. № 47–49). Протоиерей Прокопий Громов был автором множества других статей (иногда неподписанных) по истории Иркутской епархии. В 1863–1888 гг. в ИЕВ были напечатаны 35 слов и поучений святителя Иннокентия (Кульчицкого).

Миссионерская деятельность в Иркутской епархии наиболее полно отражена на страницах ИЕВ. Здесь публиковались подробные отчеты о деятельности отделений духовной миссии, например за 1867 г. (1868. № 22–26) и различные исследования по этому вопросу: «О предполагаемых переводах Священного Писания на остяцкий язык» архиепископа Мелетия (1876. № 3), «Очерк истории распространения христианства между тункинскими бурятами на Тарской степи за истекшее пятидесятилетие: (1827–1878)» священника Косыгина И. (1878. № 40–48), «Православная миссия среди бурят, ее особенности и недостатки» епископа Иоанна (Смирнова) (1910. № 15), «Пропаганда ламаизма среди крещенных инородцев Иркутской епархии и среди последователей шаманства, в какой мере и где она оказалась успешной и почему в других местах остается безуспешной» протоиерея Затопляева Н. (1910. № 15).

В ИЕВ регулярно печатались путевые дневники священников, сопровождавших архиереев в миссионерских поездках по епархии, например, «Поездка преосвященного епископа Евгения в Киренский уезд в июне–июле

месяцах 1913 г.» священника Николая Пономарева (1913. № 21–22; 1914. № 2, 4, 6, 10–11, 13, 15, 17–18, 20–23). В 1910 и 1917 гг. в качестве приложения к номерам издания публиковались протоколы съездов иркутских миссионеров.

В начале XX в. в ИЕВ печатались материалы дискуссионного характера, касающиеся прежде всего проблем духовного образования. В 1910-х гг. среди материалов преобладали письма и статьи представителей сельского духовенства.

Важно отметить, что Иркутские епархиальные ведомости содержат уникальные факты по истории Иркутской епархии; дают возможность представить развитие восточно-сибирской церковной архитектуры и иконописи. Это уникальный в своем роде источник, представляющий ценность для историков, краеведов и для всех исследователей истории Иркутского края и России в целом.

Заключение

Итак, в данной работе была рассмотрена жизнь и деятельность епископа Иркутского Иннокентия (Неруновича). Было проведено первичное исследование имеющегося материала, на основании которого была написана работа. Был просмотрен и изучен ряд работ, имеющих важное историческое значение. Это, преимущественно, статьи иркутских епархиальных ведомостей разных лет и другие статьи современных исследователей.

Преосвященный Иннокентий, управлявший Иркутской епархией на протяжении 15 лет, неустанно трудился все это время. Безусловно, это был «один из лучших Святителей Иркутской епархии» [45, с. 655], ревностно и энергично проводивший свою работу по христианизации местного населения. Эта деятельность в разной степени охватывала все пространство его епархии, простиравшейся тогда от Саянских гор до вод Тихого и Ледовитого океанов.

Вместе с тем, на примере деятельности Иннокентия (Неруновича) можно проследить процессы взаимоотношения церковной и гражданской власти, которая проводила политику сдерживания влияния церкви среди местного населения.

В целом, Иннокентий (Нерунович) внес огромный вклад в развитие миссионерской деятельности. Еще находясь в Москве, он подготовил проект христианизации язычников. Епископ планировал организовать подготовку переводчиков, контролировать соблюдение льгот для новокрещенных, устроить для них школы. Однако поддержки у местных властей и правительства не нашел. «Если бы сему великому уму, сему ревностному деятелю, на всяком шагу да не препоны; а еще: если бы ему даны были все те пособия, какие испрашивал он у правительства, – чего бы тогда не сделал он для благоустройства епархии?», – писали Иркутские епархиальные ведомости в 1870 г. [36, с. 607].

Список используемой литературы и используемых источников

1. Андреев Г. Л. Христианская периодическая печать на русском языке 1801–1917 гг. Библиографический указатель: В 3 т. / Т. 1. Христианская периодическая печать на русском языке 1801–1917 гг. Библиографический указатель. Нью-Йорк, 1997. С. 134-136.
2. Громов П. Посвящение в Иркутск Епископа Иннокентия II // Иркутские епархиальные ведомости. 1865, № 9. С. 97-103.
3. Громов П. Епископ Иннокентий Нерунович (ответственность игумена Паисия) // Иркутские епархиальные ведомости. 1865, № 18. С. 303-309.
4. Громов П. Епископ Иннокентий Нерунович (затруднительность в содержании) // Иркутские епархиальные ведомости. 1865, № 19. С. 311-315.
5. Громов П. Епископ Иннокентий Нерунович (новые козни Лебратовского) // Иркутские епархиальные ведомости. 1865, № 30. С. 435-445.
6. Громов П. Епископ Иннокентий Нерунович (экспедиция Беринга) // Иркутские епархиальные ведомости. 1865, № 32. С. 459-467.
7. Громов П. Епископ Иннокентий Нерунович (конец Жолобова) // Иркутские епархиальные ведомости. 1865, № 33. С. 469-474.
8. Громов П. Епископ Иннокентий Нерунович (учение и благочиние) // Иркутские епархиальные ведомости. 1865, № 50. С. 643-648.
9. Громов П. Епископ Иннокентий Нерунович (крещение инородцев) // Иркутские епархиальные ведомости. 1866, № 4. С. 39-47.
10. Громов П. Епископ Иннокентий Нерунович (Представления в Синод) // Иркутские епархиальные ведомости. 1866, № 10. С. 119-124.
11. Громов П. Епископ Иннокентий Нерунович (церковные дела в Якутске) // Иркутские епархиальные ведомости. 1866, № 12. С. 147-153.
12. Громов П. Епископ Иннокентий Нерунович (поездка в Якутск) // Иркутские епархиальные ведомости. 1866, № 14. С. 175-182.

13. Громов П. Епископ Иннокентий Нерунович (его пребывание в Якутске) // Иркутские епархиальные ведомости. 1866, № 15. С. 183-191.
14. Громов П. Епископ Иннокентий Нерунович (его возвращение из Якутска) // Иркутские епархиальные ведомости. 1866, № 24. С. 293-302.
15. Громов П. Епископ Иннокентий Нерунович (последствия его поездки в Якутск) // Иркутские епархиальные ведомости. 1866, № 50. С. 557-563.
16. Громов П. Епископ Иннокентий Нерунович и Бригадир Сухорев // Иркутские епархиальные ведомости. 1867, № 46. С. 547-552.
17. Громов П. Епископ Иннокентий Нерунович и вице-губернатор Плещеев // Иркутские епархиальные ведомости. 1868, № 1. С. 6-13.
18. Громов П. Епископ Иннокентий Нерунович и вице-губернатор Плещеев // Иркутские епархиальные ведомости. 1868, № 2. С. 24-29.
19. Громов П. Епископ Иннокентий Нерунович и вице-губернатор Плещеев // Иркутские епархиальные ведомости. 1868, № 3. С. 37-43.
20. Громов П. Епископ Иннокентий Нерунович и вице-губернатор Плещеев // Иркутские епархиальные ведомости. 1868, № 4. С. 46-52.
21. Громов П. Епископ Иннокентий Нерунович и вице-губернатор Бибииков // Иркутские епархиальные ведомости. 1868, № 5. С. 69-76.
22. Громов П. Епископ Иннокентий Нерунович и вице-губернатор Бибииков // Иркутские епархиальные ведомости. 1868, № 6. С. 78-83.
23. Громов П. Епископ Иннокентий Нерунович и вице-губернатор Бибииков // Иркутские епархиальные ведомости. 1868, № 7. С. 90-98.
24. Громов П. Епископ Иннокентий Нерунович и Лебратовский // Иркутские епархиальные ведомости. 1868, № 9. С. 122-125.
25. Громов П. Возвращение Епископа Иннокентия Неруновича из Якутска // Иркутские епархиальные ведомости. 1869, № 26. С. 319-326.
26. Громов П. Отчет Епископа Иннокентия Неруновича о вторичной поездке в Якутск // Иркутские епархиальные ведомости. 1869, № 28. С. 333-337.

27. Громов П. Плоды вторичной поездки Епископа Иннокентия в Якутск // Иркутские епархиальные ведомости. 1869, № 30. С. 348-353.
28. Громов П. Епископ Иннокентий Нерунович. Замечательные события в епархии // Иркутские епархиальные ведомости. 1869, № 39. С. 431-437.
29. Громов П. Епископ Иннокентий Нерунович (предвестия) // Иркутские епархиальные ведомости. 1870, № 15. С. 175-180.
30. Громов П. Епископ Иннокентий Нерунович (предвестия) // Иркутские епархиальные ведомости. 1870, № 16. С. 195-203.
31. Громов П. Вызов Епископа Иннокентия Неруновича в Петербург // Иркутские епархиальные ведомости. 1870, № 18. С. 214-222.
32. Громов П. Водворение Епископа Иннокентия Неруновича в Братской пустыни // Иркутские епархиальные ведомости. 1870, № 21. С. 247-249.
33. Громов П. Кончина и погребение Епископа Иннокентия Неруновича // Иркутские епархиальные ведомости. 1870, № 35. С. 437-442.
34. Громов П. Обзор управления епископа Иннокентия Неруновича Иркутской епархией (крещение инородцев) // Иркутские епархиальные ведомости. 1870, № 37. С. 453-462.
35. Громов П. Обзор управления епископа Иннокентия Неруновича Иркутской епархией (крещение инородцев) // Иркутские епархиальные ведомости. 1870, № 38. С. 463-468.
36. Громов П. Общий взгляд на управление епископа Иннокентия Неруновича Иркутской епархией // Иркутские епархиальные ведомости. 1870, № 50. С. 595-607.
37. Калинина И., Медведев С. Духовный вертоград Сибири // Земля Иркутская. 2000, № 14. С. 6-37.
38. Кочетов Д. Б., Павлова О. А. Иннокентий (Нерунович) // Православная Энциклопедия. 2010, Т. 23. С. 11-14.

39. Крючкова Т. А. Иркутские епархиальные ведомости // Православная энциклопедия. 2011, Т. 26. С. 517-518.
40. Наумова О. Е. Иркутская епархия, XVIII-первая половина XIX в. – Иркутск: изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 1996. 205 с.
41. Наумова О. Е. Миссионерская деятельность иркутских архиереев в XVIII-первой половине XIX века // Вестник ИрГТУ. 2011, № 1 (48). С. 305-307.
42. Покровский И. М. Русские епархии в XVI-XIX вв., их открытие, состав и пределы : В 2 т. / Т. 2. Русские епархии в XVI-XIX вв., их открытие, состав и пределы. Казань, 1913. 890 с.
43. Санников А. П. Миссионерская деятельность первых иркутских епископов // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2016, Т. 16. С. 121-128.
44. Санников А. П. Епархиальное управление в Восточной Сибири в XVIII в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2013, № 1 (4). С. 18-29.
45. Сумароков П. Миссионерство в Сибири // Христианское чтение. 1884, Ч. 1. № 5/6. С. 655-659.
46. Юрганова И. И. «Для призывания к познанию православного восточной греческой исповедания веры»: о визите епископа Иннокентия (Неруновича) в Якутский уезд // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2019, Т. 28. С. 90-97.